

Михаил Юрьевич Тырин

Тварь непобедимая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129061
Михаил Тырин. Тварь непобедимая: Эксмо; Москва;
ISBN 5-04-006615-5*

Аннотация

Вам теперь не нужно бояться смерти. Доктор Шимановский ее отменил. Но если вы все-таки умерли – не отчаивайтесь. Умельцы из клиники "Золотой родник" дадут вам новую жизнь. Но вы не сразу узнаете, зачем они это сделали... Новый роман Михаила Тырина – это умопомрачительный сплав научной фантастики в лучших традициях фантастического детектива и триллера. Место и время действия – здесь и сейчас, реалии – самые российские. Кто они – "люди в белых халатах"?

Содержание

ЧАСТЬ 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

151

Михаил Тырин

Тварь непобедимая

ЧАСТЬ 1

КОРОЛЬ РЕАНИМАЦИИ

Уже много дней над стылой землей плыли тучи. Они ползли медленно и уныло, как отступающая армия. Передний край этой темной молчаливой армады еще держался, еще сыпал по ночам мокрым снегом. Но днем в тыл начинало бить молодое весеннее солнце, и плотные свинцовые ряды размыкались, разваливались, таяли.

Тучи шли, хотя могли бы прекратить свой бесполезный и бесславный марш, остановиться, сдаться солнцу, низвергнуться вниз потоками воды, раствориться, потому что все равно были обречены на это в конце своего пути.

Но они продолжали упрямо ползти куда-то. Будто у них – безмолвных обитателей неба – имелся высший смысл в том, чтобы пройти свой путь до конца, до самой последней точки.

С высоты их полета огромные города казались россыпями детских кубиков. Миллионам людей, наблюдающим с земли это молчаливое шествие, не было никакого дела до тех причин, что двигали небесную армию в неизвестность. У людей

был свой путь и свой смысл.

* * *

– Алька, как тебя родители на ночь отпускают? – спросил Семеныч, разливая чай по пластмассовым кружкам.

– Сама удивляюсь, – ответила Алина, выкладывая на газету бутерброды. – Наверно, потому, что я им ничего не рассказываю.

Гриша смотрел в окно, за которым кипело снежное броуновское движение. Белые крупинки стукались о стекло и, ничего не добившись, отлетали назад, чтобы бессильно упасть к колесам машины.

Чаепитие, еще не начавшись, было прервано хрипением старенького «Алтая». Все с досадой переглянулись – диспетчер перебирал бригады в поиске свободной.

– Тридцать вторая, – позвал наконец динамик. – Тридцать вторая – база.

– Поужинали, – вздохнул Григорий, поднимая перемотанную изолентой трубку. – Тридцать вторая на связи.

– Дорожно-транспортное на Профсоюзном бульваре, – сообщил голос диспетчера со странным сочетанием усталости и возбуждения. – Выезжайте, больше никого пока нет. Там с пострадавшими...

– Все с сердечными приступами? – поинтересовался Григорий.

– Что?

– Ничего. У меня кардиология, а не реанимация.

– Повторите, не понял, – проговорил диспетчер. – Выезжаете или нет?

– Да, едем, давайте адрес.

Семеныч, не изменив выражения лица, переливал чай обратно в термос.

– Может, все-таки перекусим быстренько? – предложила Алька.

– Перекусим на подстанции. Там дорожное с пострадавшими, – ответил Григорий, кладя трубку на место. – Поехали. Профсоюзный бульвар, рядом с мостом.

В стекло «рафика» все так же молотила снежная крупа. Гриша представил, как кто-то лежит сейчас в темноте на обледенелом асфальте, истекая кровью, и поежился.

Весна в этом году выдалась злая. Ледяные ветры все несли и несли снег – тяжелый и колючий, как гранитная крошка. Днем снег таял, а к вечеру вновь начинал собираться в ямах и впадинах белыми зернистыми кучками.

Кардиологической бригаде не так часто приходилось подбирать кого-то на улицах, обычно случались квартирные вызовы. Григорию долго не нравились эти тихие жилища с зашторенными окнами, навеки въевшимся запахом лекарств, печальными родственниками, привыкшими передвигаться на цыпочках и говорить шепотом, изучившими все разделы медицины преимущественно по настенным календарям. По-

том привык.

И вот теперь выдался редкий шанс поработать в иных условиях – на пронизывающем ветру, рядом с искореженными машинами, под стон их покалеченных хозяев. Как мудро замечено предками, хрен редьки не слаще. Тем не менее уличная работа угнетала меньше. Здесь, в отличие от эрудированных домочадцев, никто не лез под руку с советами, не пытался блеснуть познаниями. В уличной горячке врач, как правило, был единственным, кто знал, как нужно действовать, – и он действовал на свой страх и риск.

Машина катилась по маленьким улочкам, которые ни-кто, кроме опытного Семеныча, толком не знал. Он один имел представление, как с помощью этих потайных троп в каменных джунглях сократить маршрут. Уже через несколько минут он показал на дорогу.

– Вот за тем домом – наш бульвар.

Машина выскочила на освещенную фонарями улицу. И в этот момент все увидели картину, заставившую Альку испуганно ахнуть, а Семеныча – обронить крепкое словечко.

Впереди бушевало пламя. Дорогу перегораживал автопоезд, завалившийся набок. Горел фургон, и горели какие-то тюки, вылетевшие из него. Тягач тоже перевернулся и прижал к опоре моста легковую машину, марку которой уже невозможно было определить.

Больше ничего увидеть не удавалось, поскольку бульвар был запружен другими машинами.

– Я туда не проеду, – сразу сказал Семеныч.

В самом деле, на дороге творилось настоящее столпотворение: машины сигналили, дергались взад-вперед, между ними бегали взмыленные дорожные инспекторы, размахивая жезлами и рациями.

– Алька, за мной, – скомандовал Гриша и выбрался из машины, подхватив чемоданчик.

На них сразу набросился ветер, закидал снежными колючками, заставил зажмуриться. Алька накинула поверх халата куртку, прикрыла голову капюшоном.

– Надень халат на куртку, – сказал Гриша. – В крови же сейчас вся будешь.

– «Скорая» приехала! – крикнул кто-то.

Из лабиринта машин выбрался измученный сержант ДПС, потащил Григория в гущу, на ходу объясняя диспозицию. Его почти не было слышно из-за шума и рева автомобильных гудков.

Григорий остановился, когда ветер донес до него жар пылающего фургона. Осмотрелся, отмечая профессионально цепким взглядом, куда идти в первую очередь. Возле милицейской «девятки» стоял мужчина в одной рваной рубашке и что-то втолковывал инспектору. Его лицо было перечерчено струйками крови, однако он не кричал, не звал на помощь – стало быть, может подождать.

На обочине возле покореженного рекламного щита топорщилась исковерканными боками еще одна машина – судя по

всему, иномарка. Возле нее толпились люди, слышался женский плач.

– В «Москвиче» зажало двоих! – кричал на ухо сержант. – Женщина стонет, а мужчина, кажется, все. Не шевелится. Сейчас подъедут пожарные с инструментами, будут вырезать. Там опасно сейчас, огонь...

– Раз опасно, значит, не пойдем, – ответил Григорий, свято блюдя требования инструкции.

– Да, не надо, – согласился сержант. – Ребята вкололи женщине какой-то заморозки, ей чуть полегче.

– Сейчас еще бригады будут, – сообщил Григорий, направляясь к иномарке.

Он увидел, что на асфальте впереди машины лежит полуголый человек, скрученный, словно шнек мясорубки. Он был неподвижен, лишь нога под разорванной брючиной судорожно вздрагивала. Судя по всему, одежду с него сорвало во время удара и последующего вылета через лобовое стекло. Перед ним стояла на коленях молоденькая девушка в короткой кожаной курточке, отделанной мехом. Она причитала, звала на помощь. Вокруг топтался какой-то народ, но никто не имел представления, как можно помочь.

Григорий тронул девушку за плечо. Та обернулась, и стало видно, что висок и щека вымазаны кровью. Похоже, осколками стекла ей рассадило лицо.

– Помогите ему! – проговорила сквозь плач девчонка. – Помогите ему! Сереженька, потерпи, врачи приехали...

– Алька, займись ею, только быстро, – кивнул Гриша, а сам склонился над лежащим. Черепно-мозговая, сразу определил он. Если вылетел через лобовое стекло, значит, наверняка и подвывих позвонков. И плюс к этому – повреждение подключичной артерии, из которой натекла уже лужа крови. Один глаз был закрыт, второй чуть блестел из-под приподнятого века. Григорий посветил фонариком – зрачок дернулся.

– Ну, что там?! – продолжала всхлипывать девица, мешая Альке обрабатывать ее же ссадину. – Что, скажите. Он живой? Ну?!

– Девушка, помолчите хоть минуту, – проговорил Григорий, безуспешно пытавшийся послушать пульс. – Поймите, вы мешаете. Алина, подай зажим...

Он давно уже отвык церемониться в подобных случаях. Частенько самым трудным была не работа с пациентом, а борьба с его родными и близкими. Они думают, что врач – волшебник, а в его чемоданчике бутылочки с живой водой. Хотя на самом деле ни черта у него нет и зачастую ничего он не может, кроме как побыстрее доставить человека в стационар...

– Я закончила, – отрапортовала Алька, закрепив повязку и тампон на лице девушки. – Куда ее?

– Она пусть ждет, а ты – бегом за каталкой, – проговорил Григорий, пытаясь остановить кровь зажимом. – Потом сделаешь девчонке инъекцию. Нет, постой! Помоги мне, приготовь обезболивание.

– Что – морфий, промедол?

– Ни в коем случае! Ищи новокаиновую глюкозу.

Гриша сделал укол, еще один.

– Что еще?

– Приготовь мне дексаметазон и лазикс. И беги за каталкой. Только возьми кусок фанеры – будем укладывать на твердое.

– Может, помочь? – предложил кто-то из публики. Алька так быстро унеслась, что не удостоила добровольца ответом.

Гриша осторожно снимал с тела мокрые клоки одежды, глядя, нет ли серьезных повреждений. Разобрать было трудно – все залила кровь. Однако он смог определить, что ребра практически целы, – на иномарке оказался упругий руль. Значит, можно работать с грудной клеткой, не опасаясь порвать легкие осколками костей.

– Почему вы ничего не делаете?! Помогите ему, скорее же! – не успокаивалась подруга пострадавшего.

– Милая, твой звонкий голос ему уж точно не поможет! – разозлился Григорий. И тут он услышал за спиной крики.

К ним со всех ног бежали двое дорожных инспекторов.

– Всем отойти назад! Не задерживайтесь, быстро, быстро!

Григорий привстал, встревоженно огляделся. Оранжевая машина-техничка оттаскивала покореженный «Москвич» от опоры моста. Какие-то люди метались рядом, орали, размахивали руками. Некоторые подбегали к лежащему тягачу и тут же отскакивали.

– Водитель вспомнил – у него газовый баллон в кабине, – проговорил запыхавшийся милицкий прапорщик. – Огонь уже там, сейчас как бабахнет...

– Главное, вовремя вспомнил, – заметил Гриша, покосившись на тягач.

– Память девичья, мать его... – процедил прапорщик, оттирая пот рукавом. Он был толстым, полнокровным, его лицо светилось красным – то ли от отблесков огня, то ли от здоровья. – Отойдите подальше и человека уберите, если еще живой.

– Живой, живой, – сказал Григорий – больше для плачущей девчонки, чем для инспектора.

Появилась Алька, за ней поспешал водитель, отягощенный носилками.

– Что, Семеныч, решил размяться? – удивился Григорий.

Семеныч, как и большинство шоферов станции «Скорой помощи», был пенсионером и непременно напоминал об этом, если требовалось кого-то тащить.

– Да подсоблю, чего там... – смущенно проговорил он. На него, старого водилу, эта авария произвела тяжелое впечатление. Видимо, из чувства шоферской солидарности он не усидел на месте.

– Поторапливаемся. Осторожно... – произнес Григорий, приступая к перекладыванию пациента на носилки. – Алька, сверни свой халат в валик – и под шею... И старайся не смещать голову...

Поставить каталку на колесики не удалось – не было места проехать, пришлось тащить ее между машинами на руках. Алька пошла вперед, она несла чемоданчик и вела под руку девуцу. Та начала утихать, увидев, что врачи наконец-то зашевелились.

Все четверо находились на полдороге к «рафику», когда ночь вдруг превратилась в день. Взметнувшееся за спинами пламя бросило тени вперед и вверх, на стены домов. Григорий почти не слышал грохота и пронзительного женского визга, потому что в ту же секунду заорал своим: «На землю!»

Он и сам сразу присел, стараясь не уронить носилки, но почувствовал ладонями, что сзади, со стороны Семеныча, они стукнулись-таки об асфальт.

– Семеныч, держать же надо! – в сердцах воскликнул он. Затем спросил: – Все целы?

– Мы – целы, – послышался испуганный голос Альки.

Слышался стук – сверху валились обломки, поднятые взрывом. Семеныч кряхтел где-то в темноте сзади, так и не поднявшись с асфальта.

– Ну, давай поднимай! – поторопил его Гриша, снова впрягаясь в носилки.

– Обожди. – Голос у водителя стал немного странным.

– Да что там у тебя?!

– Он у вас раненый, – сказал кто-то.

Какой-то человек высунулся из кабины хлебного фургона и показывал пальцем на Семеныча.

Гриша подошел, опустился на корточки.

– Что?

– А-а... – с досадой вздохнул водитель. – Во, гляди...

Он повернулся правым плечом. На кожаной куртке зиял геометрически ровный надрез, в глубине которого блестела свежая кровь.

– Глубоко?

– Да не пойму, – сокрушенно ответил Семеныч. – Оно как бритвой, я и не почувял. Погоди, сейчас подымусь...

Он встал и тут же оперся о руку Григория – его качало.

– Ох, чего-то голова идет кругом... Идем скорей.

Алька, не дожидаясь указания, взяла носилки, привычно заняв место у ног пациента – где полегче.

Через минуту они отгородились от шума, снега и ветра дверями санитарного «рафика». Семеныч оглядел всю компанию и слабо усмехнулся.

– Не машина, а больница, – сказал он. – Одни больные.

– Алина, займись, – велел Гриша, кивнув на Семеныча. – Потом не забудь сделать столбняк дамочке.

Сам он склонился над носилками. Мужчина уже не подавал видимых признаков жизни. От него пахло коньяком и мочой. Григорий послушал пульс, посмотрел давление. Он все-таки был жив. Почти жив. При определенном везении оставался шанс вытащить его.

– Гриша, – раздался заметно ослабевший голос шофера, – извини, но я сегодня уже не ездец.

– Ничего страшного, – попробовала успокоить его Алька. Она сняла с Семеныча куртку, рубашку и теперь накладывала бинты. – Надрез неглубокий, кровопотеря легкая...

Григорий покосился на рану и понял, что без штопки здесь не обойтись.

– Может, потеря и легкая, но... Годы-то мои какие? Гриш, ты попроси милицию за руль...

Григорий не ответил, занятый пациентом, лишь с сомнением покачал головой. Он видел – после взрыва на дороге поднялся такой переполох, что всем было не до них.

Тут напомнила о себе девчонка, до сих пор молча наблюдавшая, как Гриша колдует над ее Сережей.

– Можно я от вас позвоню? – спросила она, показав на «Алтай».

– Сама не сможешь, а показывать некогда, – отмахнулся Григорий.

– Мне очень нужно. Покажите, пожалуйста. Послушайте, а куда вы его повезете?

– Ближе всего – «Красный крест». Наверно, туда.

– Ну, пожалуйста, мне очень надо позвонить!

– Да подожди же! Как поедem – тебе наберут номер.

– Мне срочно нужно. – Она снова начала заводиться. – Откройте дверь!

– Эй, ждать не будем! – крикнул ей вдогонку Григорий, но девица уже выскочила на улицу и скрылась за машинами.

– Вот неугомонная, – с осуждением сказал Семеныч.

– Я сажусь за руль, – решил Григорий. – Алька, работай с человеком, ты знаешь, что делать.

– Капельницу ставить? – уточнила она.

– Да, поставь. Пятьсот кубиков желатиноля в бедренную артерию. Сама сможешь? Давай скорей, пока не тронулись.

– Смогу, поехали.

Гриша под ревнивым взглядом Семеныча пересел за руль, прошелся руками по рычагам. Он не водил уже почти год, но чувствовал себя вполне уверенно, поскольку с техникой всегда умел обращаться.

Завыла сирена. «Рафик» с натугой тронулся и пополз вперед, выпутываясь из лабиринта машин.

– Не гони, – сурово предупредил Семеныч. – На перекрестках притормаживай. Тише едешь – сам знаешь... Такие времена, что на твою мигалку никто не поглядит.

Он хотел еще что-то сказать, но сил осталось немного. Семеныч откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Григорий взял трубку телефона, вызвал диспетчера «Красного креста».

– Тридцать второй, везем клиента в нейротравму. Давление – сорок на двадцать, коматозник. Готовьте реанимацию.

Машина разогналась и помчалась по пустеющей вечерней улице, полыхая синим маячком. С момента вызова прошло не больше десяти минут.

– Ты эту катафалку сменишь, наконец? – лениво спросил Кича, когда «Опель» опять с грохотом подбросило на яме.

Ганс помолчал, не отрывая взгляда от дороги, потом ответил:

– Ботвы надо чуть подсобрать.

– У тебя разве денег нет?

– Есть, мало. Я хочу сразу путевую брать.

– И сколько тебе надо?

– Да пока не знаю точно, не торговался. Половину примерно собрал. Да еще векселек должны скоро вернуть. И этого крокодила определяю. – Он хлопнул ладонью по панели еще не старого, но здорово замызганного «Опеля». – Ну и еще где-то придется догонять до суммы.

– Значит, уже присмотрел что-то?

– Ага, – охотно ответил Ганс и даже улыбнулся, что делал крайне редко. – «Паджеро» возьму. Уже закадрился с одним братком, он для меня его держит. Только бы денег поскорей собрать, пока он на обратно не пошел. Тогда моя машина будет.

– Джипы новые брать надо, а не жеванные, – заметил Кича, кидая в рот сигарету. – Продадут тебе опять какую-нибудь гниль...

– Нет, бугай что надо. Я уже пробовал, погонял за горо-

дом. Прет, как «Челенджер». Дорогу держит. Мотор ребята пощупали, говорят, нормально.

– А коробка, стояки? Кстати, где денег-то собираешься нарыть? Занимать будешь?

– Да нет, не люблю я кредиток. Подумаю, может, какое дельце обмозгую...

Кича не выдержал и усмехнулся. Оказывается, Ганс уже умеет дела обмозговывать.

– Знаю я твое «дельце»... – произнес он, глядя полуприкрытыми глазами, как плывут мимо уличные фонари. – Дрянь небось, да?

Ганс нахмурился и ответил не сразу:

– А что? Сейчас все мякину продают, а кто и ширево.

– Не все. Я, например, не лезу. В таких делах соображать надо. С кем хоть собираешься работать?

Ганс еще больше нахмурился, вцепился в руль. Ему вообще не хотелось делиться своими планами, но Кича вечно лезет в душу и вытаскивает все, как клещами. И не отмолчишься, не отмажешься, не переведешь разговор на другое.

– Есть один шушарик, – неохотно ответил Ганс. – Коля Муравей, знаешь?

– Знаю, знаю... – пробубнил Кича и как-то нехорошо улыбнулся: – Муравья все знают. Хочешь геморроя – вяжись с Муравьем. Загредишь под фанфары...

– Не будет геморроя. Я умно все сделаю.

Они замолчали. Ганс мечтал о джипе, на котором скоро

будет катать по городу, распугивая всякую шелупонь. Он давно хотел машину с большим салоном, где ему будет нетесно.

Кича был занят совсем другими размышлениями. Он думал, что вот уже и Ганс подрос и начал закручивать какие-то свои дела. Прежде такого никогда не случалось. Ганс всегда ходил на коротком поводке и не помышлял о самостоятельности. Даже думать, работать головой у него не было нужды, поскольку Кича всегда брал это на себя. Не пора ли вежливо напомнить мальчику, где его место?

Кича брал Ганса лично для себя. Больше месяца присматривался к молодняку в спортзалах, пока не выделил этого парня: рослого, массивного, порывистого в движениях. При этом его незамысловатое лицо почти всегда выглядело спокойным. К тому же Ганс был судим – отсидел на «малолетке» три года за грабежи, и на этом тоже можно было играть.

Ганс был нужен Киче в качестве второго «я». Дело в том, что сам он не отличался ни ростом, ни мощностью. К тридцати годам он получил довольно много – стабильный доход, бригаду ловких отчаянных пацанов, известность и авторитет в своих кругах. Не было только одного – внушительности. Сколько ни ворочал он железа в спортзалах, сколько ни разбивал костяшек на ринге, нужного результата не достигал. Кича оставался маленьким и несерьезным на вид. Эдакий воинственный наполеончик, неспособный допрыгнуть до высоты роста противника. Это было не только обидно, но

и затрудняло некоторые дела.

Досадный недостаток должен был восполнить Ганс, которому Кича предложил поработать у себя шофером. Но тот сразу сообразил, что шоферить придется не так, как прежде его покойный отец на стройке.

Дело происходило в сауне, разговор протекал под коньячок, в парилке повизгивали девчонки. Все замолкли, когда юный и неопытный Ганс в ответ на полушутливые намеки и предложения вдруг серьезно спросил:

– В бригаду берете, да?

Всех удивило, что он так спокоен и деловит, будто ему предложили просто подработать на разгрузке вагона. Молодые ребята обычно реагировали иначе – они либо цепенели от радости, либо немного пугались.

Кича в тот раз ответил, что бригада как-нибудь обойдется без него, без Ганса, а ему придется следовать за бригадиром повсюду и следить за порядком вокруг.

Ганс выполнял эту простую работу серьезно и обстоятельно, без всякой суеты. Когда Кича вел какие-то трудные переговоры, он маячил за его спиной как олицетворение той неумолимой силы, которая в нужный момент придет Киче на помощь. Это очень здорово действовало. Молодой телохранитель сэкономил бригадиру массу сил и нервов.

Заполучив Ганса, Кича начал менять облик. Если прежде он был похож на маленькую злую собачку, которая может больно покусать, то теперь стал «лакироваться», придавать

себе лоск и интеллигентность. Он старался избавиться от блатных словечек, стал сдержанным в жестах. Одежду выбирал очень дорогую, но простую. Сделал стильную прическу.

Кича по-прежнему стремился произвести впечатление сильного и опасного человека, но отныне это была другая сила, другая опасность. Спокойная, но безжалостная. Кича уже сравнивал себя с гангстером, а не с разухабистым русским «братком», какие окружали его каждый день.

– Не вязался бы ты с наркотой, – снова заговорил Кича, отрывая Ганса от раздумий о новой машине. – Деньги и так кругом вертятся, найди что-нибудь поспокойней.

– Все гладкие места заняты, – хмуро ответил тот. – У нас тут ребята тоже не пальцем деланы.

– Мест полно, – жестко возразил Кича. – Хочешь – дам тебе на время вольную в районе, потрясешь барыг с ребятами. Риска меньше.

– Ты ж за барыг свою пайку затребуешь? – усмехнулся Ганс, выруливая на центральную улицу, оживленную даже в это позднее время.

– Затребую, – со вздохом кивнул Кича. – Без этого никак – времена такие.

Машина, доехав до следующего перекрестка, остановилась на светофоре. По стенам домов и деревьям пробежало вдруг фиолетовое сияние. Ганс увидел в зеркале санитарный «рафик», который медленно, но настойчиво пробирался между машинами. Прямо перед стоп-линией он притор-

мозил – водитель, похоже, хотел осмотреться, прежде чем выскакивать на пересечение под красный свет.

Однако уже загорелся желтый, а «Скорая» все медлила. Возможно, заглох мотор. Ганс поспешно включил передачу, чтобы выскочить и занять место впереди «рафика», и не заметил, что тот наконец тронулся.

Раздался скрежет, «Опель» сильно качнулся. Бампер «санитарки» пропахал глубокую борозду на левом крыле и дверце.

– Твою мать! – прорычал Ганс, выскакивая из кабины. Кича неторопливо выбрался вслед за ним.

– Ну что за дела, а?! – заорал Ганс водителю – высокому русоволосому парню в белом халате, открывшему дверь ему навстречу.

– Уберите, пожалуйста, машину, – вежливо, но твердо попросил Григорий. – Мы везем умирающего в реанимацию.

– Сейчас будет тебе реанимация! – взвился Ганс. – Сам будешь как умирающий! Сначала ответишь за машину, а потом вали куда хочешь!

– Ребята, пропустите! – бесстрашно вступила в разговор Алька. – У нас больной, ему очень плохо.

– А кому сейчас хорошо? – сверкнул глазами Ганс. – Мне, думаешь, хорошо? – Он красноречиво кивнул на помятый «Опель». Затем швырнул в сторону Григория ключи. – На, забирай! Я на битых не катаюсь. А завтра заплатишь.

Ключи ударились о дверцу «рафика» и упали на асфальт,

посыпанный снежной крупой.

Кича до последнего момента просто наблюдал. Ему нравилось, как Ганс, такой спокойный и медлительный, вдруг совершенно преображался, когда начинал решать проблемы с чужими. Это было идеальное качество – человек в нужное время мог переходить в нужное агрегатное состояние.

– погоди, Ганс. – Он взял его за рукав, удерживая на месте. Затем нагнулся и поднял упавшие ключи. – Ребята работают, торопятся, умирающего везут. Может, когда-нибудь и нас так повезут. Пускай они проезжают, а потом будем разбираться. Вы согласны, люди в белых халатах?

– Уберите машину, – снова потребовал Григорий. Он не хотел никаких переговоров и соглашений, сейчас это было неуместно.

У Ганса, как всегда, хватило выдержки не спорить с бригадиром. Он быстро присмирел, вернулся в машину и отогнал ее в сторону. «Рафик» укатил.

Ганс снова вылез, ощупал вмятины.

– Ур-род, блин! – с негодованием сказал он.

– Хорошо, на моей не поехали, – чуть усмехнулся Кича.

– За свою ты ему башку бы снес, – с досадой проговорил Ганс. – А мою сморщили – тебе смешно.

Он обошел вокруг, зачем-то пнул ботинком покрышку.

– Куда я ее теперь такую дену? Ее и не продашь толком.

– Дурак ты, Ганс, – с сожалением произнес Кича. – А еще какие-то дела крутить хочешь.

– Не понял, – удивился Ганс.

– Да вот же перед тобой дело – и денежное, и безопасное. А ты плачешь. Неужели еще не понял, где умные люди деньги на джипы берут?

Ганс еще некоторое время пристально смотрел на Кичу, затем расплылся в ухмылке.

– А ведь точно! – воскликнул он.

Они еще раз переглянулись и весело рассмеялись. Через минуту «Опель» уже как ни в чем не бывало мчался по вечерней улице.

* * *

Некоторое время Григорий вел машину молча, плотно сжав губы. Семеныч изредка поглядывал на него и тоже по-малкивал.

Что касается Альки, то она словно забыла о происшествии на перекрестке. Ей было не до того – она в одиночку делала все, чтобы довезти пациента до больницы. Уже в первые пять минут она взмокла, проводя попеременно то массаж сердца, то искусственное дыхание. Обычно эти процедуры делались вдвоем, но сейчас помочь было некому. Семеныч немного «плыл» и не способен был даже покачать подушку.

– Семеныч, что будет, как думаешь? – спросил наконец Григорий.

– Что будет... Платить придется.

– Много?

– Да вряд ли... Машина у них неновая. С другой стороны, ты и не виноват ни в чем, но с этими разве поспоришь?

– А если через суд?

Водитель не ответил, только горестно вздохнул. Снег за окнами, казалось, стал еще злее молотить по корпусу машины.

Едва они въехали во двор «Красного креста», от крыльца больничного корпуса отделилась женская фигура в накинутом поверх халата пальто. Григорий узнал Полину Вожжову из нейротравматологии. Врачом она считалась неплохим, но со своими коллегами обычно не церемонилась.

– Алька, как у тебя дела? – спросил он, пока врач шла к машине.

– Уходит, – отрывисто и с отчаянием ответила та.

– Где, показывайте, – потребовала Вожжова, заглянув в салон. Осторожно тронула голову через салфетку, приподняла веко. – Давление?

– Двадцать на ноль, – с готовностью ответила Алька.

– Опять труп привезли? – Вожжова обвела всех недобрым взглядом.

– Не труп, – насупилась Алька. – Корнеальный рефлекс...

– Да какой еще рефлекс?! Что взяли моду трупы у нас складывать? Посмотрите на него – фиолетовый уже...

Григорий понимал – никому не хочется делать безнадежное дело, записывать на больницу еще одну безуспешную ре-

анимацию, ломать показатели и так далее. Но при этом иногда выпадает шанс из тысячи, что и безнадежного пациента можно вытянуть.

– Нам его обратно на дорогу вывалить? – произнес Григорий.

– Везите в свою БСМП... А вы вообще что?.. Вы – шофер?

– Я врач.

– А шофер?.. – Тут взгляд Вожжовой упал на Семеныча с перевязанным плечом, и она осеклась.

– Пройдите. – Она кивнула в сторону крыльца. – Там дежурный.

– Я дойду сам. – Семеныч кивнул Григорию, неловко выbralся на улицу. Там он обернулся. – Езжайте сами на базу. Меня ребята домой добросят.

– Ну, так что? – Григорий в упор посмотрел на Вожжову.

– Несите в приемку, – бросила та и, не сказав больше ни слова, зашагала к крыльцу.

– Ну что, Алина, запряжемся последний раз, – попытался улыбнуться Григорий. – А там и смена кончается.

Он вышел, чтобы открыть заднюю дверь, и тут услышал неподалеку знакомый взволнованный голос. Девчонка – та самая, с аварии.

– Вон они! Скорее, ребята.

Она тут же оказалась рядом. Григорий заметил, что бинты на ее лице уже заменили на фирменный комбинированный пластырь, а вот изодранную курточку она переодеть не

успела.

Из темноты, где блестела какая-то большая роскошная машина, неторопливо выходили несколько молодых ребят. Все как на подбор – холеные, причесанные, в длинных солидных пальто.

Гриша мысленно чертыхнулся. Какие еще неприятности принесло в этот проклятый день?

– Очень хорошо, – произнес один из незнакомцев. – Как состояние Сергея Вадимовича?

– Замечательно, – хмуро ответил Григорий. – Через пару дней сможет играть в футбол. Головой...

– Я так и думал, – кивнул парень.

Григорий был не настроен с ним болтать. Они с Алькой, щурясь от ветра, вытаскивали из салона носилки.

– Я, собственно, хотел сказать... – начал парень, но замаялся. – Ну, одним словом, мы его забираем.

– Кого? – искренне удивился Гриша.

– Пациента. Сергея Вадимовича.

– Рановато, – ответил Григорий, пытаясь освободить на носилках колесики. – Он еще не умер. Вы бы лучше помогли, время уходит...

– Подождите! – Незнакомец вдруг взял Григория за рукав и пристально посмотрел в глаза. – Я серьезно. Мы собираемся его увезти. В другую клинику.

– Ребята, не мешайте, ладно? – раздраженно проговорил Григорий. – Вы соображаете, о чем говорите? Он в коме, его

срочно нужно подключать к аппаратуре. Некогда возить по клиникам.

– Борис, Виктор, помогите с носилками, – повернулся парень к своим. Сам же снова обратил взгляд на Григория. Вытащил что-то из кармана и сунул ему в руку.

Гриша посмотрел. В ладони зеленела смятая стодолларовая бумажка.

– Вы что, с ума все посходили?

– Гриш, понесли, – раздался голос Альки. – Холодно...

Однако предупредительные незнакомцы тут же отстранили ее от носилок и взялись за ручки сами.

– Я говорю совершенно серьезно, – тихо продолжал собеседник. – Мы увозим его в частную клинику. Здесь ему уже не помогут.

– Если вы будете меня задерживать, ему действительно никто уже не поможет. Все, отойдите с дороги!

Григорий попытался вернуть деньги, но собеседник демонстративно спрятал руки за спиной. Разговор непозволительно затягивался.

– Не обольщайтесь. – Парень едва заметно улыбнулся. – Он уже безнадежен. А если и случится чудо, то он с вашей медициной и со своей расплющенной головой останется полудурком. Послушайте, доктор, мы везем его в «Золотой родник», слышали про такое?

– Слышал. – Григорий остановился. «Золотым родником» называли частную клинику, открывшуюся в городском рай-

оне Золотые Родники. Григорий знал только, что там за сумасшедшие деньги людям делают какие-то немыслимые операции, и вроде бы иногда успешно.

– Так вот, мы забираем его туда. И не надо, пожалуй-ста, спорить.

– Дай ему еще, – бесцеремонно посоветовали из-за спины. Парень снова улыбнулся и вложил в ладонь Грише еще одну такую же бумажку.

Носилки все еще стояли на колесиках рядом с «рафиком». Алька, не дожидаясь указаний, снова начала качать пациенту сердце – время стремительно уходило. Девчонка стояла рядом, молчала и гладила руку, свесившуюся с носилок.

– Я слышал про «Золотой родник», – произнес Григорий, в душе которого начало тлеть сомнение. – Но, поймите, реанимация везде одна и та же. Ехать туда – терять время, которого и так уже нет.

– Не беспокойтесь ни о чем. Я ведь тоже призываю не терять времени.

– Да, но... Уже готова аппаратура, там ждут. И вообще, это подсудное дело.

– Там не расстроятся, если останутся без больного. А насчет подсудности... Ну, можете сказать, что я вам угрожал. – Парень улыбнулся и изобразил пальцами, что стреляет в Григория из пистолета. – Хотя говорить вам ничего не придется. Обещаю.

Гриша в нерешительности мял в ладони доллары. Он бы

отказался, он бы слушать никого не стал... Но из памяти поднялось перекошенное лицо Ганса, требующего оплаты за помятый «Опель». У Григория до сего момента таких денег не было.

– Ну все, договорились, – с облегчением произнес парень, воспользовавшись настроением Григория. – Ребята, тащите в машину...

Григорий вдруг увидел, как из тела пациента бесцеремонно выдергивают иглу капельницы.

– Стоп, перестаньте! – воскликнули они одновременно с Алькой. – Если не знаете – не лезьте. Мы сами его довезем, показывайте дорогу.

Парни в нерешительности переглянулись.

– Ну пусть, – сказал один. – Нам же лучше – салон кровью не пачкать.

– Алька, – проговорил Гриша, несмело посмотрев ей в глаза, – может, они правы?

– Делай как знаешь, Гриша, – ответила она. – Я тебе доверяю.

– Значит, едем. Только сделай ему интубацию, пока не тронулись.

– Один пусть будет с нами, – звонко приказала Алина. – Мне нужен помощник.

Григорий взглянул на безжизненное тело на носилках. Ему уже казалось, что он зря остановился, зря затеял разговор с этими странными незнакомцами. Видимо, надежды

уже никакой. Но может, они знают, что делают?

– Поехали, – сказал он.

Снова «рафик» выехал на ночную улицу. Было слышно, как сзади Алька обучает добровольца-помощника.

– ...Вот это – подушка АМБУ для искусственной вентиляции легких. Нужно вот так нажать два раза, потом ждать, пока я качаю сердце. Потом, по команде, снова нажать...

– И все руками? – удивлялся парень. – Я думал, тут кнопочки-лампочки...

– Здесь вам не Америка...

Григорий вел машину, глядя в корму каплеобразного минивэна, на котором прибыли незнакомцы. Дежурство выдалось замысловатым. Сначала жуткая авария на бульваре, потом стычка с «быкообразными» на перекрестке, а теперь еще эти похитители трупов. И все в один вечер.

Они остановились возле уютного особнячка, окруженного кирпичным забором. Их уже ждали – на крыльце стоял под фонарем охранник в форме. Один из парней побежал к нему.

– Нужен Донской. Андрей Андреевич.

– Сейчас, сейчас...

На крыльце появился худощавый черноволосый мужчина примерно одного с Григорием возраста. Лицо было плохо различимо сквозь метель, Гриша заметил только, что в его чертах есть что-то южное, контрастное, тщательно прорисованное природой. Под халатом виднелась белоснежная рубашка и галстук.

Он подошел. Поглядел на «рафик», чуть нахмурился.

– А это зачем? Говорили же, без посторонних.

– Они сами напросились, – ответил кто-то из парней. –

Сказали, будут по дороге откачивать.

– О, это другое дело, – почему-то усмехнулся Донской. –

Врач – он всегда врач. Что вы ему делали, уважаемый?

Вопрос относился к Григорию. Тот покосился на Донского и тихо проговорил, посчитав вопрос дурацким:

– Маникюр и тонизирующий массаж.

– Я так и думал. А если серьезно? Анальгетики вводили?

– Нет, конечно.

– Это правильно.

«Сам знаю, что правильно», – подумал Гриша, выкатывая носилки.

– Забирайте, – сказал он.

– Доктора поощрили за старание? – поинтересовался Донской у сопровождающих.

– А как же!

– Надо бы еще. А ну-ка, возьмите, уважаемый...

– Перестаньте! – Григорий попытался отойти, но ему успели сунуть в карман еще одну бумажку.

– Не стесняйтесь, доктор, – с укором проговорил Донской. – Вы хорошо выполнили свою работу, вы привезли нам пациента без гипоксии. За это и платим. А еще за то, чтоб вы поменьше об этом рассказывали, хорошо?

Григорий промолчал. Он не знал, как смотреть в глаза

Альке. Все походило на дурной сон, в котором тонешь, вязнешь и не можешь остановиться.

– Так, все, уважаемые! – Донской расставил руки, будто хотел огородить свое хозяйство от посторонних. – Вам пора домой. Благодарим за понимание и сговорчивость, а теперь – до свидания.

Григорий влез в кабину, рядом устроилась Алька.

– На базу, – сказал Гриша. – Голова кругом идет от этих приключений.

Несколько минут они молчали. Алька безучастно смотрела в окно. Григорий сунул руку в карман и вытащил комок купюр. Всего было двести пятьдесят долларов. Куда больше, чем зарплата врача, однако радости эти деньги не доставляли.

– Будем делиться? – предложил он Альке.

Та покачала головой.

– Не хочешь связываться?

– Оставь себе, Гриша. Меня родители без куска хлеба не оставят, а тебе еще за аварию расплачиваться. Забыл?

– Рад бы забыть...

Он сунул деньги обратно в карман. Они даже в собственном кармане оставались чужими.

– Что ты обо всем этом думаешь, Алина?

– Не знаю, – вздохнула она. – Сначала думала, влипли в неприятности. Но эти ребята... Они такие спокойные, самоуверенные. Такое чувство, будто знают что-то... Ну, чего мы

не знаем.

– У меня – та же история. Но знаешь, все-таки, боюсь, придется отвечать за эту авантюру. Завтра проснусь – и буду удивляться, как меня в это втянули. Да еще деньги дали...

– Узнать бы, что у них вышло, – с надеждой проговорила Алька.

– Попробуй тут узнай... Слушай, ты ни во что не вмешивайся. Если всплывет – молчи. Скажи, меня слушалась. Отвезли человека в другую больницу, а в какую, не знаешь. Ты сегодня свое отработала, к тебе претензий не будет.

– Я думаю, ничего не будет. Ни претензий, ни разборов. Мне так кажется.

– Мне почему-то тоже, – признался Гриша. – Сам не знаю почему.

* * *

К шестидесяти годам Иван Сергеевич Луков стал вести спокойный и размеренный образ жизни. Обычно он просыпался не раньше девяти, немного лежал в постели, затем вставал и шел в ванную. Несколько минут он откашливался – давал о себе знать давний туберкулез, – затем принимал душ. Без водных процедур он не мыслил начать день.

После завтрака Иван Сергеевич обязательно, в любую погоду, выходил на прогулку. По пути покупал газеты и, если небо было ясным, просматривал их на скамейке в сквере.

Если же шел дождь, он возвращался с газетами домой.

Иван Сергеевич жил довольно скромно. На любую холодную погоду имел только серое пальто. Питался он, впрочем, хорошо, но тоже без лишних изысков.

После обеда он сидел дома. В это время почти всегда к нему приходили люди. Рассказывали новости, спрашивали совета, просили разрешить споры.

А в субботу Иван Сергеевич обязательно посещал баню. Привычка к чистоплотности осталась у него с прежних времен, когда без этого ему никак было нельзя. Он считал, что никакая ванна не сможет дать той чистоты и бодрости, что дает баня.

Два-три раза в неделю он посещал пивную на своей улице, где выпивал обычно две кружки. Он пил, слушая людей, сочувствуя их бедам, возмущаясь вместе с ними тем неприятным вещам, что происходили вокруг. Здесь он узнавал о жизни порой больше, чем из газет.

В этих простых радостях он проводил дни. Ему вполне хватало этого, чтобы чувствовать себя хорошо. Соседи относились в нему приветливо, считая его тихим и порядочным стариком. Он иногда останавливался, чтобы перекинуться парой слов с одним или другим, и всегда оставлял после себя хорошее впечатление. Простота и ум Лукова заставляли всякого собеседника уважать его.

Соседи не задумывались о том, что совершенно ничего не знают о прошлом Ивана Сергеевича. Лишь встречая на лест-

нице его посетителей, они хмурились и пытались понять, что за странные люди выются около добропорядочного старика.

В пивной его тоже, конечно, знали. Он первым здоровался, кивал, видя знакомые лица, но старался уклоняться от всяких бесед. Иван Сергеевич был очень разборчив в знакомствах.

Продавец, пузатый черный парень, похожий на цыгана, тоже знал Лукова в лицо. Он был жаден, но никогда не обманывал Ивана Сергеевича, непременно наливал ему полную кружку и отдавал сдачу до копейки. Продавец понимал, что нельзя обманывать постоянных клиентов.

Он глядел на тихого, скромного старика равнодушно и не догадывался, что этот старик может в любую минуту купить всю его пивную, в прямом смысле этого слова.

Он мог бы купить также маленькую армянскую мастерскую по ремонту обуви, примыкавшую к пивной, и стоящий напротив киоск с водкой и сигаретами, и еще многое. Но он никогда бы этого не сделал по одной лишь своей прихоти. Дело в том, что Луков был вором в законе и одним из хранителей воровского общака. Товарищи называли его Лука.

В определенном смысле он был очень порядочным человеком, если не считать, что в тринадцать лет стал вором. Луков люто ненавидел власть. С тех пор, как трое громил энкавэдэшников ночью вошли в его дом и увели отца. Именно в тот момент, когда близкий и любимый человек, добрый, веселый, щедрый, в последний раз обернулся на поро-

ге и грустно подмигнул ему, именно тогда маленький Ваня понял, что нечего искать в этом мире справедливости, а надеяться нужно только на себя.

А так он ничего не имел против людей, не был ни подлым, ни мстительным. Это, конечно, заметили и оценили. Со временем стали доверять ему не только деньги, но и тайны. Иван Сергеевич никогда не пренебрегал молодежью, и это тоже пошло ему в зачет. К нему тянулись не только старые вору, но и молодняк из тех, что строил мир по-своему.

Он был хранителем несметного богатства. Морщинистые, покрытые синими татуировками урки, лощенные мальчики с мобильными телефонами, бритоголовые «быки» – все одинаково нуждались в надежной воровской заныке, которая подсластит горечь трудных времен.

Так что деньги в воровскую казну шли. Луков знал лучше всех, как нужно их хранить, как разумно распоряжаться, как по возможности приумножать. И всякий был уверен, что к его-то рукам ничего не прилипнет.

В тот апрельский день Иван Сергеевич проснулся как обычно, после девяти. Спал он не очень хорошо, поскольку ночью пришел тревожный сон – будто провожает он в дорогу людей, передает им в вагон чемоданы, тепло прощается и вдруг остается один в совершенно пустом городе. Проснулся, несколько минут глядел в потолок, пока не понял с облегчением, что это был только сон.

Он встал, съел сосиски с черным хлебом, запил слабым

чаем. На улице мела косая метель, асфальт был мокрым. Иван Сергеевич решил, что сегодня наденет меховую шапку.

Он купил на проспекте несколько газет, чтение которых решил перенести в пивную. Время было раннее, народу собралось мало, но все равно у краника стояла небольшая, медленная очередь. Пиво не спеша струилось через узкую медную трубочку в кружки, народ терпеливо ждал, пока осядет пена. Все понимали, что спешащим людям здесь делать нечего.

Рядом шептались двое работяг из малярной бригады, что преображала фасад близстоящего гастронома. Иван Сергеевич выслушал новость, что в магазинах под видом куриных окорочков продают ляжки каких-то жаб-мутантов, которые в несметном количестве развелись в канализации Чикаго.

Разговор быстро перестал интересовать его, поскольку голова была занята другими вещами. В городе готовились крупные перемены, к которым Луков имел прямое отношение.

Несколько месяцев назад наконец созрело решение – переводить опийных наркоманов на героин. Не всех, конечно, а по возможности. По всем расчетам это выходило и выгоднее, и безопаснее. Все предстоящие мероприятия были закодированы под общим названием «Снегопад». При всей нелюбви воров к шпионским штучкам, использование кодового слова оказалось удобным.

Героин и раньше появлялся в городе, но привозили его

обычно какие-то шальные парни, срывали быстрые деньги и исчезали. Теперь следовало упорядочить и этот сектор тайной экономики.

Однако дело требовало серьезных вложений. Немалые суммы уйдут на то, чтобы оплатить серию милицейских операций по закрытию цыганских опийных точек. Цыгане уже много лет пропускали через себя подавляющую часть маковой соломки и марихуаны, перерабатывали и продавали, а милиция, отчаявшись с этим бороться, в конце концов просто вошла в долю. Так что дело предстояло нешуточное и недешевое. Как-никак, старый уклад ломать.

Требовались деньги на закупку начальных партий порошка, на устройство бесплатных «презентаций» для наркоманов. Отдельно стоял вопрос о подкупе городских властей и аэропортового контроля. Неплохо бы заплатить неустойки украинским и молдавским поставщикам за срыв прежних договоренностей по конопле и маку. Одним словом, забот невпроворот...

Многое было не его, не Лукова, дело, но он обязан был дать товарищам несколько советов, помочь авторитетом, опытом, связями. Тем более что деньги на реформы стекались к нему в казну, и немалые деньги. К задумке подключились несколько районных городков, интерес проявили и ребята из пограничной области.

Иван Сергеевич глубоко погрузился в размышления, но от его внимания не ускользнуло, что к началу очереди подо-

шли двое неизвестных парней в черных куртках. Посмотрели на ценники, посоветовались меж собой, затем один протянул продавцу пару мятых купюр.

– Налей пару кружечек. И водки – две по сто.

Очередь негромко загудела. Совсем тихо – чтоб не видно было, кто именно гудит. А продавец – что с него взять? – колыхнул брюхом и принялся наливать, поскребывая черную щетину на щеке.

Ивану Сергеевичу эта картина очень не понравилась. Он с радостью бы пропустил мимо себя любого, кому очень нужно без очереди, однако тут случай был другой. Молодыняк проявил неуважение к людям, можно сказать, плюнул на всех. Следовало поставить его на место.

– Эй, парнишка. – Луков коснулся газетой плеча одного из пацанов. Тот повернул физиономию – плохо выбритую, усеянную красными прыщами. – Тут люди в очереди стоят. Все ждут, а ты чем лучше?

Надо сказать, Иван Сергеевич умел общаться с любым. За его бесхитростными, всем понятными словами крылась сила. Бывало, скажет слово, усмехнется чуть-чуть – уголками глаз – или дернет щекой. И всякому ясно – не спорь, не лезь, урка, на рожон, не по твоим силам спор будет.

И если отступишься от своего, осадить свой норов, то справедливый Лука вновь ласково улыбнется тебе и похлопает по плечу. Будто и не было ничего. Иван Сергеевич всегда стремился любой вопрос решать сначала по-дружески.

Но тут что-то не сработало. Не проняло парня, не внял он словам.

– Отвали ты, дед, – с досадой сказал он, дыша скверным перегаром.

У Лукова чуть екнуло сердце. Очень давно уже с ним так не разговаривали. Даже милицейские сыскари проявляли к нему какое-никакое уважение, хотя бы из-за возраста. Тут бы Лукову выйти на улицу, набрать номер в таксофоне – и уже через пять минут подъехала бы машина с темными стеклами, вышли бы люди и разобрались с недоносками на полную катушку.

Жаль, отказался Луков от того, чтобы за ним охрана по пятам ходила. Не любил этого. И потом, на этот раз его честь задела, и он сам должен ее отстоять, а не бегать к телефону.

– Я сказал, отойди и встань в очередь, – произнес Иван Сергеевич.

На этот раз сказал по-настоящему. Так, что каждый остерегся бы спорить. Но вновь парни по своей толстокожести не вняли предупреждению.

– Тебе надо, ты и стой, – ответил прыщавый, отворачиваясь. – А мы и так возьмем...

Что-то помутилось в голове Ивана Сергеевича. Никогда прежде не позволял он чувствам работать вперед разума, а тут – как отрезало. Видать, давно не было острых ситуаций, размяк, забыл сам себя. Вцепился он прыщавому в загривок, дернул, отрывая от прилавка...

А тот, удивленно матернувшись, развернулся и врезал старику. Попал туда, где на серой бечевке всегда висела железная пуговка – память о хорошем дружке, сгинувшем в лагерях. Иван Сергеевич покачнулся – и упал, растянулся на грязном кафельном полу. Попытался вскочить – не смог почему-то. Только шипел сквозь зубы: «Сук-ка!.. Сук-ка!..»

Потом за сердце схватился, побледнел, затем серым стал. «Врача надо», – неуверенно сказал кто-то. Луков не слышал. Только хрипел и рвал на себе воротник. Кто-то подбежал, помог. Расстегнули пальто, пиджак, рубашку. И тут народ тихо вздохнул – у-у-у.... Под рубашкой – словно синим пламенем горит наковка. Во всю грудь храм с семью куполами.

Молодых и след простыл. Остальные что-то не захотели бывшему зэку дыхание «рот в рот» делать. Так и лежал он, пока не приехал доктор. Воткнул в уши трубки, послушал, махнул рукой. Поздно...

* * *

Григорий сидел на кухне, разложив на столе три бумажки. Две по сто долларов, одна – пятьдесят.

Час назад он проснулся в своей квартире, за окном светило солнце. Вчерашнего снега, ветра и серого неба как не бывало. Гриша с усмешкой подумал: уж не эти ли деньги расцветили мир солнечными лучами? Впрочем, солнце было не яркое.

Григорий пытался понять, за что ему заплатили такую сумму. Что он такого сделал, почему его услуга стоит целых двести пятьдесят долларов?

Они могли бы ничего не давать, если бы дело было чистым. Однако заплатили, пообещали уладить все проблемы. Если «Золотой родник» действует честно и легально, то для чего такие меры? Если нет – почему его до сих пор не прикрыли?

Сплошные загадки. Эти врачи из «Золотого родника», на что они надеялись, принимая посиневший, уже безнадежный труп? Если они что-то понимают в медицине, то почему не сочли нужным откачивать человека на месте, пока не ушло время?

Перед Алькой неудобно. Продался на ее глазах, как плюшевый мишка в универмаге. Доктор, называется... Умом Григорий понимал, что ничего такого не совершил и долг свой выполнил до конца. А все же неприятно.

Что ж, насколько легко эти деньги пришли, настолько легко и уйдут. Обидно отдавать их нахальному бычью, расплачиваясь не за свою вину, но ничего не попишешь. От знакомых и пациентов Гриша наслушался достаточно историй, чтобы понять, за кем будет последнее слово. Осталось только надеяться, что этих денег хватит, чтоб поправить поцарапанный «Опель».

А если еще и останется... Хорошо бы. Зайти бы вот так к родителям, бросить на стол сотню долларов – это вам.

Сейчас, когда три зеленые бумажки лежали на столе, в голову приходили десятки способов, как их можно было бы потратить. Множество покупок плыло перед глазами, и каждая из них была неотложной и необходимой. От зимних ботинок взамен старых, драных и холодных, до продуктов в вечно пустой холодильник.

Но Гриша не посмел бы сейчас разменять ни одну из купюр. Он знал: только начини тратить деньги – и они моментально уйдут. Испарятся без остатка. И тогда не останется ни одного шанса уладить проблемы миром.

Григорий осторожно сложил деньги и поместил их в потайной карманчик бумажника. Сегодня у него был свободный день, вечером он выходил на дежурство. Он собирался постирать, а потом починить двери в шкафу, где поломалась половина петель. Если будет настроение – поработать с рукописью.

Едва он запустил горячую воду в ванну, раздался звонок. В такое время к нему обычно приходила мать, и он, не задумываясь, повернул ручку замка.

На лестничной площадке стояли оба вчерашних парня. Массивный водитель «Опея» по кличке Ганс и его приятель, небольшой чернявый Кича.

– Так и будешь на лестнице держать? – поинтересовался Кича, когда пауза слишком уж затянулась.

– Проходите, – сказал Гриша.

Он внимательно следил за каждым движением гостей, не

понимая, чего от них ожидать. Пока они держались прилично, даже, если можно так сказать, дружелюбно. Единственное, что смутило, — оба, не дожидаясь приглашения и не разуваясь, сразу вошли в комнату. Ганс прислонился у двери, а чернявый прошелся вдоль стен, поглядел книжные полки, постоял с минуту перед школьными и семейными фотографиями.

— Невеста? — спросил он, ткнув пальцем в снимок Оксаны. — Или любимый пациент?

Не дожидаясь ответа, он почему-то рассмеялся, переглянувшись с Гансом.

— Ну что, доктор Айболит, — сказал Кича, сев в кресло и заложив ногу за ногу, — расплачиваться-то думаешь за машину?

— Думаю, — ответил Гриша.

— Думать мало, платить надо, — снова рассмеялся Кича. Смех его был необходимым. Так добрые товарищи, сидя за общим столом, подшучивают друг над другом и вместе же веселятся. Но Гриша был этим людям не товарищ, и четко это понимал. Ни на секунду усмешка не должна появиться на лице.

— Деньги есть? — спросил Кича.

— Сколько нужно? — спокойно произнес Гриша.

— Сколько тебе надо, Ганс? — Кича повернулся к своему приятелю. Тот почему-то не ответил, только вяло двинул бровями.

– Видишь ли, Склифосовский, ты разбил ему хорошую машину, – продолжал Кича. – Он на ней больше ездить не сможет. Ты сам-то думаешь, сколько она стоит?

– Думаю, немного, – ответил Григорий и облокотился на стену, сложив на груди руки.

– Вот тут, доктор, ты заблудился. Можешь сходить на авторынок, посмотреть, поспрашивать...

– Ты думаешь, я на дешевке стал бы дизелить? – угрожающе проговорил Ганс, но Кича остановил его отмашкой.

– Это хорошая и дорогая машина, – вздохнул он.

– И что?

Гриша заметил, что с ним разговаривают как-то подчеркнуто терпеливо и вежливо. Как с маленьким ребенком. Слушай, малыш, больших дядей да мотай на ус. А то дяди рассердятся...

– Ты должен полностью оплатить ему стоимость машины. Срочно. А потом забирай ее себе, если хочешь.

– Полностью?! – не поверил ушам Григорий.

– А ты как думал? – поднял брови Кича. – Машина с мятым боком – это уже не машина.

– Я на битых не катаюсь, – хрипло прибавил Ганс.

– И он прав. У нас это не принято – засмеют, уважать перестанут. Понимаешь, доктор?

Гриша оцепенело молчал. Оказывается, это не просто мелкий дорожный конфликт, а самый натуральный бандитский наезд. Он никогда не думал, что может попасть в такую

историю, – что с него брать?

Гриша чувствовал, что именно сейчас настает ключевой момент разговора. Либо он сломается, начнет улыбаться их шуткам, на все соглашаться, либо будет бороться. Только бы не дать слабину, не позволить им уцепиться и начать тянуть. Иначе потом не слезут...

– Что молчишь? – сухо спросил Кича.

– Я... я ничего вам не должен, – тихо ответил Григорий.

– Да-а? – удивленно раскрыл глаза Кича. – Это, интересно, как?

– Я не виноват в аварии. Вы должны были дать мне дорогу. Я вез пациента, у меня горел маячок.

«Только удержаться, – думал он в этот момент. – Не испугаться, что начнут орать, топтать ногами, бить. А то потом хуже будет».

– У-у-у... – огорченно покачал головой Кича. – Нет, ты не прав, доктор. Не надо быковать. Дохлый номер, так и знай.

– Я прав, – упрямо сказал Гриша. – Если хотите, решайте через суд.

Кича с Гансом насмешливо переглянулись.

– Решим, не сомневайся, – вкрадчиво проговорил Кича. – Только тебе от этого лучше не будет. Хуже будет, ты сам постарайся понять. Во-первых, кто в кого воткнулся? – Он изобразил руками, как случилось столкновение. – Ты в меня, верно? Верно, я спрашиваю?

– Вы должны были...

– Обожди. Во-вторых, кто скрылся с места происшествия? Разве я? Нет, ты ответь, разве я первым уехал с перекрестка?

Григория раздражало, что Кича требует подтверждать все его слова. Это создавало впечатление, что он кругом прав.

– Ну а теперь подумай, нужно ли с таким раскладом тебе все это – милиция, суд? Нет, если хочешь, пожалуйста! Я могу хоть сейчас сюда гаишника вызвать, у меня там полно своих ребят. Ну, что? А?

Григорий увидел, что Ганс пришел в движение. Он принялся не спеша бродить вдоль стены, сцепляя ладони и потягиваясь. Будто разминался. Он вроде бы ничего не хотел этим показать, но вместе с тем получалось, что он к чему-то готовится.

– Пойми, Айболит, мы тебе зла не хотим, – сказал Кича, не отрывая от Гриши внимательного взгляда. – Ну, виноват, ну не уследил за дорогой, испортил чужую машину... Заплати – и расходимся друзьями. Может, еще придешь к нам за советом, а может, и мы к тебе. Прессовать тебя не станем. Ни в лес вывозить, ни кислотой в морду плескать, ни утюгом жечь. Зачем, если сам все поймешь? Мы же просто поговорить зашли, спокойно обсудить вопрос. Ты же нормальный парень, голова на плечах есть. Разбил Гансу «Опель» – что теперь, он за свои деньги его должен чинить?

– Чинить – одно, а полностью оплачивать... – начал было Гриша, но Кича с досадой махнул рукой и отвернулся, не

желая ничего слушать.

– Я на битых не езжу, ты понял? – снова подал голос Ганс. Он продолжал шататься перед глазами, поводя руками и плечами, демонстрируя силу. Чуть шевельнет локтями – и уже подмывает отшатнуться от него, закрыться. Григорий вдруж понял, что все эти разговоры и хождения не просто так. Все продумано.

Вот сидит Кича – спокойный, улыбается, все понимает и входит в положение. А вот – Ганс. Ходит, поигрывает мышцами. Мощь бежит через край, а деть ее некуда.

Союз грубой силы с дипломатичной мягкостью. Если согласишься с этими парнями, они так и останутся спокойными, рассудительными и дружелюбными. Приятелями твоими останутся. Если нет – наступит время Ганса с его мышцами и короткими жесткими фразами, слетающими с языка.

Нет сомнений – они прессуют, но не грубо, а тонко, с умом. Выдавить из лоха деньги – суперзадача текущего момента. Ради этого можно и добрыми побыть, и в приятелей поиграть. Как кошка с мышкой.

Григорий был прав. Этот метод Кича использовал всегда. Он любил наводить страх, но умом, а не силой. Этим он отличался от Ганса, готового по малейшему поводу бить вдребезги и рвать в клочья.

– Пустой разговор, – произнес Гриша. – У меня все равно нет таких денег.

– И снова ты не прав, доктор, – усмехнулся Кича. – У каж-

дого человека есть столько денег, сколько ему надо. Каждый человек может достать любые деньги, если прижмет. Тебя пока не прижало, но уже пора шевелиться, думать.

– О чем думать? Сколько ни думай, денег не прибавится.

– Верно, верно... А вот это – разве не деньги? – Он обвел вокруг себя руками.

– Что?! – изумился Гриша. – Моя квартира?

– Только не пыли. И не вздумай говорить, что она не твоя, а тетушкина. Тетка давно уже отписала ее на тебя, и налог на дарение уплачен. Не удивляйся, мы все знаем. – Кича, достав из сумки-визитки свернутый листок, начал читать: – «Пшеницын Григорий Михайлович, двадцать семь лет, врач-кардиолог станции «Скорой помощи», закончил Новосибирский мединститут, служил в войсках связи...» – Он прервался и исподлобья посмотрел на Григория. – Все правильно написано?

– Ну, допустим, – согласился тот.

– Не допустим! Отвечай – правильно?!

– Правильно.

– Ну вот! А тут еще много всякого про тебя есть. Слушай, а ты правда кандидат наук? Ганс, ты понял, с каким человеком общаемся? Наверно, умный, наштигованный, сам все должен понимать. Ну, так что?

Григорий напряженно думал, не глядя на Кичу. Сказать им «нет» – попасть в историю, конец которой может быть совсем печальным. Согласиться – остаться обманутым, обо-

бренным и униженным. Что лучше? А если помолчать для начала?

– Ты не делай лошадиные глаза, – от души посоветовал Кича. – Все не так плохо. Продашь квартиру – рассчитаешься с нами. На остаток купишь комнату. Будет где жить и куда водить любимых пациенток. И бричка наша у тебя останется. А что – нормальный вариант. Многие так и делают. Хочешь – подлатаешь «Опель», хорошо продашь и снова квартиру купишь...

«Что за бред он несет? – мельком подумал Григорий. – И ведь не возразишь. Никто здесь твои слова слушать не будет. Потому как не спорить сюда пришли эти ребята, а брать».

– Если не знаешь, как недвижимостью торговать, поможем. И покупателя найдем, и к нотариусу свозим, и БТИ без очереди устроим, и комнатку тебе подберем. Никаких проблем, доктор, – продолжал источать дружелюбие Кича. – Мы к тебе со всей душой, потому что знаем – не со зла ты нам подянку сделал: торопился, работу свою выполнял...

Григорий продолжал молчать, глядя в пол, пытаясь угадать, когда его молчание заставит их перейти к следующей фазе разговора. Но этого не случилось.

– Ну, все. – Кича встал и вдруг сделался холодным и бесстрастным. Словно покрылся коркой. – Решай свои дела, оформляй бумаги. Срок тебе – неделя. На днях заедем, посмотрим, как ты шевелишься.

Он первым вышел из комнаты, миновал прихожую. Ганс

задержался, чтобы многозначительно взглянуть на Григория.

Тот уже закрыл дверь и собирался вернуться в комнату, но вдруг раздался пронзительный звонок. Это снова был Кича.

– Слышь, доктор, дверка у тебя хлипкая, – произнес он, проведя рукой по косяку. – Ты бы сменил замок, что ли... А то знаешь, какие времена-то...

Кича загадочно улыбнулся и пошел вниз по лестнице. Гриша несколько секунд смотрел ему вслед. И вдруг услышал, как скрипнула дверь напротив. На площадку высунулся Витька – сосед Гриши, тридцатилетний электронщик, который последнее время промышлял ремонтом телевизоров на дому. У Витьки были всклокоченные волосы и мокрая майка. По его лицу было ясно, что заключительный аккорд он видел через глазок.

– Кто это? Чего они? – возбужденно спросил сосед. – Друзья твои, да?

– Да... – мрачно процедил Григорий. – Друзья. По переписке.

Он закрыл дверь, вернулся в комнату и долго стоял у окна, глядя в одну точку.

* * *

После обеда к Ивану Сергеевичу, как обычно, прибыли посетители. Они подъехали на серой «Волге», их было двое.

Один – моложавый, стильно одетый, со смуглым, как у иностранца, лицом. Второй – попроще, не очень аккуратно постриженный, морщинистый, одетый в плащовую куртку. Щеки у него были дряблыми, голос – хриплым.

Первого звали Николаем, второй был известен под кличкой Сальный. Оба приехали, чтобы утрясти в присутствии Луки очень важный вопрос: взаимодействие милиции и таможенных постов в период проведения операции «Снегопад». Существовала небольшая вероятность, что кого-то из курьеров остановят по дороге. В таком случае обе службы не должны были стесняться друг друга и отпустить посланника, получив положенный гонорар. Потеря одного курьера могла стоить целого состояния, и лучше продумать все заранее.

Гости поднялись по лестнице и, к великому изумлению, наткнулись на участкового, который опечатывал дверь Луки.

– К кому? – спросил участковый. – К Лукову?

– А что такое? – насторожился Сальный.

– В самом деле, командир, – подключился Николай. – Что случилось-то?

– К Лукову, спрашиваю? – раздраженно переспросил капитан.

– Ну, допустим, – осторожно согласился Николай. – А что с ним?

– Уже ничего, – глухо проговорил капитан, залезая в планшетку за блокнотом. – Умер ваш Луков.

– Что?! – одновременно воскликнули посетители.

– Плохо слышите? Вы ему кто? Фамилии ваши? У него родственники есть?

– Постой, постой, капитан, – пробормотал Николай. – Как это – умер? От чего?

– Я ему вскрытия не делал. Говорят, сердечко схватило. Прямо в пивной свалился.

– Ну дела... – покачал головой Сальный.

– Ну, так что? Кто у него родные? – устало переспросил капитан. – Кому сообщать?

– Сообщать? – словно очнулся Сальный. – Не гони лошадей, капитан. Не озадачивайся, сами все сделаем. Где он есть-то?

– Кто, Луков? В горбольнице, в морге. Ну что, сами родным позвоните?

– Все сделаем, не ерошись, капитан.

– Мне что – мне только лучше...

Он удалился неровной походкой вечно спешащего человека. Сальный присел на корточки, достал «беломорину», задумчиво покрутил ее пальцами, покрытыми синими перстнями-наколками. Николай взглянул на него, потом покосился на грязную скамейку и остался стоять.

– Надо людей собирать, Коля, – произнес Сальный. – Сейчас такой компот начнется, хоть за голову хватайся.

Через час с небольшим начали собираться люди. Съезжались в неприметную пельменную на окраине города. Спереди это заведение имело крошечный торговый зал, куда из-

редка залетал пролетарий-одиночка пропустить полстакана и закусить рыбным бутербродом. Зато сзади располагалось обширное, добротно отделанное помещение со столом и двумя десятками стульев.

На этот раз хозяин сервировал стол только нарзаном и пеньем.

Сначала сходка напоминала простое собрание акционеров. Следовало выбрать нового кассира, а кроме того, каждый из вкладчиков должен был убедиться, что его деньги в порядке.

Но все оказалось сложнее. Поговорив с полчаса, «акционеры» выяснили, что большая часть денег, инвестированных в операцию «Снегопад», находится неизвестно где. К Луке подозрений не было, он их не украл. У него имелось несколько помощников, знавших о движениях финансов, но огромная сумма выпала из поля их зрения. Больше двух с половиной миллиона долларов Лука пристроил где-то сам, не посвящая в эти планы своих людей.

Большинство этих денег были чужими. Кто-то влез в долги, кто-то продал недвижимость – средства собирались в довольно спешном порядке. Теперь их не было.

– Надо сообщать Сударю, – обреченно произнес один из участников сходки.

Все несмело согласились. Хозяин пельменной принес телефон на длинном шнуре.

На том конце провода ответил густой властный бас:

– Слушаю, Сударев.

– Лука вытянулся, – сообщил звонивший. – Денег нет, никто не знает, где они.

Воцарилось напряженное молчание. Собравшиеся со страхом ждали, что он ответит. Сударь молчал почти минуту. Все сидели в абсолютной тишине, не отрывая глаз от звонившего.

– Заберите тело, – раздался наконец густой бас. – Спрячьте где-нибудь до вечера. Как сделаете – сообщите. Все.

Звонивший ничего не понял, но не посмел переспрашивать. Он положил трубку и оглядел собравшихся.

– Срочно пару толковых ребят – в морг. Нужно забрать покойника и сунуть куда-нибудь. В гараж или на дачу – смотрите сами. Как сделаете, доложите. Все.

Никто ничего не понял, но не посмели переспрашивать.

* * *

Прошло уже два дня, а Григорий так ничего и не придумал, что делать. Он стал хмур и неразговорчив. Новый водитель, поставленный взамен подраненного Семеныча, решил, что доктор в бригаде угрюмый и злой.

Алька тоже заметила перемены, однако в душу не лезла.

Григорий искал для себя нужный вариант действий. Вариантов оказалось совсем мало, и ни один из них не был достаточно хорош.

Пойти в милицию? Но милиция приедет и уедет, а Гриша останется на том же месте. Даже если представить невозможное – что тех двоих посадят, – все равно покоя уже не будет. Вместо двоих придут еще двое. И отыграются.

Можно было бросить клич и собрать ребят из парашютной секции. Половина из них служила в десантуре, разговаривать по душам умеют. Но не хотел Гриша кого-то втягивать в свои проблемы. Ведь друзьям это тоже может откликнуться не лучшим образом.

Грише нужен был совет. Ему не хватало специфического жизненного опыта, которого в «Скорой помощи» не наберешься. Ничего не оставалось, как дождаться свободного дня и отправиться к человеку, которого он считал опытным.

Человека звали Вальком Толстопятовым, и жил он в новой восьмизетажке вместе с женой Ритой.

Лет пять назад все трое были добрыми приятелями, вместе ездили на пикники, вместе ходили на концерты и вместе же иногда напивались до чертиков по разным поводам и в разных компаниях.

Ритка металась между двумя хорошими парнями и не знала, кого выбрать: загадочного и ироничного студента Гришу или простого, как доска, развеселого Валька. Первый вел книжно-библиотечный образ жизни, много думал о будущем и мало – о настоящем. Второй же был до предела рационален. Закончив торговый техникум, сразу устроился завхозом в какую-то жилконтору, где начал благополучно наращивать

жир. Двух лет ему хватило, чтобы взять от должности все, что можно, и уйти в свободное плавание.

По мере того как Гриша отягощал себя абстрактными знаниями, а Валек копил начальный капитал и обрастал нужными знакомствами, совместные пирушки случались все реже. Рите пора было определяться, поскольку взрослая жизнь брала свое.

Она выбрала Вальку, который к тому времени научился зарабатывать не только на хлеб, но и на икру. Чем он зарабатывал, Гриша так и не смог постичь. Валек вечно возился с какими-то мешками, коробками, консервами, рулонами рубероида и промасленными пакетами. Непонятно было, как ему удастся перерабатывать это в наличные.

Процесс самоопределения Ритки прошел для Гриши безболезненно. Была хорошая свадьба, где все трое, как всегда, много смеялись, танцевали и пили. Никакой ревности, обиды, никаких драматических событий не произошло, да и не могло произойти.

И все-таки дружба пошла на убыль. Каждый выбрал свою дорогу. Валек все больше стал превращаться в осторожного, расчетливого купчишку, Рита в этом деле оказалась прекрасной ученицей. Очень быстро она научилась смотреть искоса, переспрашивать недоверчиво и умножать в уме.

Более того, оба не воспринимали всерьез путь, избранный Григорием для себя. Всем приходилось бывать в больницах, дарить врачам коньяк и конфеты. Валек предрек, что и Гри-

ша станет подбирателем скромных презентов, не заработав ни денег, ни положения. Другое дело, если бы он стал, например, дантистом...

...Дверь открыла Ритка. Не сразу, сначала дважды переспросила, кто там. Увидев Гришу, удивленно улыбнулась:

– О, привет! А Вальки нет, пошел в гараж за машиной. Мы сейчас уезжаем.

Она грызла семечки, бросая на Григория любопытные взгляды исподлобья. Словно гадала, зачем он мог прийти. Вид у того был не радостный, стало быть, не счастьем делиться пришел.

– Я его подожду, хорошо?

– Давай проходи.

Она первая вошла на кухню, поддела ногой и вытащила из-под стола табуретку. Сама села у окна с клочком газеты, на котором чернела шелуха от семечек.

– Как дела? Семечек хочешь?

– Спасибо, я сыт.

– Ты все там же, в больнице? Деньги платят?

– Когда как, – пожал плечами Гриша.

Ему неинтересно было об этом разговаривать. Он смотрел на Риту и отмечал новые перемены. Веселая, подвижная девочка в короткий срок превратилась в тяжеловатую торговку с подозрительными быстрыми глазами. Первый вопрос про дела, второй – про деньги. Григорий попробовал представить, о чем пошел бы разговор пять лет назад. Но быстро

понял, что все старое необратимо ушло.

– Ты не женился еще? – поинтересовалась Рита.

– Если б женился, позвал бы, – усмехнулся Гриша.

– А чего? У тебя ж была девчонка. Оля, кажется...

– Оксана. Она учится в Москве, ей не до женитьбы. Успеем, короче.

Щелкнул замок, в квартиру влетел наконец Валька.

– О, наше светило явилось! – воскликнул он и тут же переключился на супругу: – Ты еще сидишь? Одевайся быстро, люди ведь ждут!

Ритка поднялась, ушла в комнату.

– Извини, Гриша, уезжаем, – проговорил Валек, перетаскивая в прихожую какие-то тюки из кладовки. – Поможешь донести до лифта? Ты чего пришел, хотел чего-то?

– Да, хотел поговорить, – сказал Гриша, не понимая, чем Валек занят больше – гостем или тюками.

– Чего у тебя?

– Валек, я влетел на деньги. Поцарапал чужой «Опель», теперь требуют оплатить всю машину.

– Так, и что? – Валек даже остановился и посмотрел с опасением – не попросит ли Гриша взаймы.

– Да ничего... Хотел спросить, как поступать мне. Ты с разным народом знаешься и... Ну, в общем, что может быть теперь? Что делать?

– Ну, наверно, надо платить. А дорогая машина?

– Не очень, но просят за нее дорого. А платить мне нечем,

ты знаешь.

– Тут надо думать, Гриша. Выкручиваться как-то. Если долгов навешали, лучше не шутить. Ну что, поможешь донести?

Григорий вздохнул с досадой, подхватил пару тюков и вынес в коридор. Валек начал закидывать их в лифт. Потом пришлось внизу переносить их из лифта в машину. Ритка, уже одетая, сидела на переднем сиденье и мусолила свои семечки, независимо поглядывая по сторонам.

– Гриша, извини, надо ехать, – проговорил Валек, плюхаясь за руль. – Опаздываем. Заходи, пиво попьем.

– Да какое, к черту, пиво... – простонал Григорий, но его уже никто не слышал.

Он проводил взглядом машину и направился к остановке. «Нам отказали в помощи, нас не угостили даже чаем, с нами отказались разговаривать, – подвел он итог. – Что ж, пить здесь пиво мне уже не хочется».

Он медленно пошел к остановке. Люди струились по тротуару, глядя исключительно в себя. Ветер бил и рвал их, снежные крупинки отскакивали от кожи, но они шли – неумолимо и однообразно, как заколдованные бронзовые статуи.

Григорий подумал, что с каждым годом люди становятся все тверже. Случайное прикосновение в толпе – как удар камнем о камень. Он и сам превратился в ходячую статую, никому не интересную. И никто, кроме него, не знал, что под

бронзовой оболочкой разъедает нутро ядовитая кислота.

* * *

В пятницу вечером Кича и Ганс, как водилось, заехали к Мустафе. Он жил в собственном двухэтажном особнячке, который поставил назло общественному мнению в многоэтажном квартале недалеко от центра. Умные люди не советовали этого делать. Дескать, случись что в стране, и народный гнев обрушится из серых пятиэтажек на этот симпатичный дом из красного кирпича. Но Мустафа никого не слушал. Одни говорили – дурак, другие – смелый мужик.

Мустафа любил принимать гостей в своем роскошном жилище, однако дела предпочитал решать в гараже, пристроенном сзади. Кича и Ганс по своему рангу в число гостей никогда не попадали, поэтому ничего, кроме гаража, почти никогда не видели.

Гансу не нравились эти поездки к Мустафе. Обычно они с Кичей подолгу обговаривали вполголоса какие-то свои дела, шелестели деньгами, пахнущими бензином, шашлыками, кожей, духами и еще чем-то, а он стоял, водя взглядом по голым кирпичным стенам.

Не совсем голым. Давным-давно кто-то прицепил на них два ярких плаката. На одном какой-то забытый рок-певец истязал микрофон с таким перекошенным лицом, будто ему в зад сунули горячий паяльник. Второй был попроще. Хо-

рошенькая девочка посреди огромного поля подбрасывала в небо букет. Цветы разлетались широким веером, внизу было написано: «Спасибо тебе, мир!»

Гансу ничего не оставалось, как смотреть на эти плакаты. Хотя он уже знал их наизусть – каждый цветочек у ног девочки, каждую родинку на лице певца. Больше смотреть было не на что.

Иногда он, правда, поглядывал на пыльный «Мустанг», стоящий здесь без движения уже, наверно, несколько лет. Мустафа почему-то совсем не использовал его, предпочитая черную «девяностодевятку» с треснувшим лобовым стеклом.

С «Мустанга» мысли Ганса перекинулись на его будущую машину. Если удастся окучить доктора по-быстрому, то уже скоро он сядет за руль джипа. Сколько, интересно, денег получится выжать, какой процент возьмет себе Кича? Ганса смущало, что он никогда не доставал деньги сам – ему все время давали их как зарплату.

Формально это и была зарплата. Два раза в месяц Ганс приезжал на небольшую автостоянку, где вечно хмурый хозяин выносил ему деньги, завернутые в газету. Все было как бы по закону. Ганс числился здесь начальником охраны. Кича пожертвовал ему эту скромную долю, поскольку серьезного дохода стоянка не давала ни хозяевам, ни «крыше».

– С грачей деньги пока не собрали, они неделю уже не работают, – слышалось бормотание Кичи. – Мини-рынок но-

вый сегодня смотрели. Там пока никто не объявился, но половина палаток – филиалы. Завтра пустим молодняк по лоткам, поглядим, что получится. «Эльдорадо» ничего не заплатило и, наверно, не будет. Они вроде закрываются...

– Пусть платят – потом закрываются, – отвечал Мустафа. – Иначе мы их так закроем... Что с академиком?

– Ребята договорились полякам его продать.

– А немцы?

– Немцы боятся делать по-черному. Они хотят провести это через кадровое агентство, больше на налогах потеряем.

– Хорошо, действуйте сами. Но если прогадаете, пожалеешь. А что там с авторынком?

– Попросят подождать еще недельку. Предлагали машинами расплатиться, но на кой хрен мне ихние гнилухи?

– Все правильно, выжимай наличку. Седого держи пока в гараже, а то они год не раскатаются.

– Короче, одни должники кругом, – подвел итог Кича. – Вон даже у Ганса должник образовался.

Ганс, услышав свое имя, посмотрел на обоих.

– Что такое? – заинтересовался Мустафа.

– Так, хреновня, в общем. «Опель» ему чуть покоцали.

– Кто?

– Да никто. Доктор с чумовоза.

– И что с него можно снять?

– Не волнуйся, спросим по полной программе. Мужик живет один в квартире, она ему великовата. Мы уже все за ним

проверили, никто за него не подпишется. Будем брать, коро-
че.

– От меня надо чего?

– Ничего не надо, Мустафа, сообразим сами – дело не хит-
рое.

– Ну, работайте. Так, а что с пивзаводом?..

Ганс снова выключился из разговора. Впрочем, он в нем
и не участвовал.

Он смотрел на Мустафу и пытался найти ответ: что в этом
мужике особенного, почему он может решать и указывать?
Он не умнее Кичи, не намного сильнее его, Ганса. Взять пару
таких же ребят – и Мустафа ляжет в три удара. Но до сих пор
никто этого не сделал и не сделает – почему?

Знакомых в городе у него побольше, это да. Связи. Ну,
возраст. Но это все дело наживное. Так почему один нажи-
вает, а второй – нет?

Мустафе было уже за сорок. Он был крупным, на первый
взгляд медлительным человеком. Ходил всегда в спортив-
ном костюме или короткой куртке. И обязательно – в любое
время года – белые кроссовки. Люди со стороны втихаря на-
зывали его Белая Тапочка.

Голова у него была большая и почти лысая. Смуглое ази-
атское лицо – все в тонких длинных морщинах, словно по-
делено на дольки. Шрамы – память о боксерском прошлом.
Он был в зоне всего один раз, по каким-то экономическим
делам, но никогда не считал это за доблесть и без нужды не

поминал. Мустафа держал целый район – от речного вокзала до Семеновского оврага. При этом ничем особенным, как считал Ганс, из числа других не выделялся.

Он помнил, как его впервые представили. Это случилось вскоре после разговора в сауне. «Тебя хочет посмотреть Мустафа», – сказал кто-то из бригадиров. Ганс весь затрепетал – известный и авторитетный человек им интересовался. Он, правда, не знал, как именно Мустафа собирается его «смотреть».

Ганс готовился к встрече, обдумывал, что и как говорить, как держаться, чтоб не разочаровать. Ничего из придуманного ему не понадобилось.

Они даже не поговорили толком. Встреча состоялась на даче, Мустафа задал пару вопросов, затем кинул кожаные перчатки для рукопашного боя и вывел во дворик. Ганс выкладывался до предела, уворачиваясь и защищаясь – нападать он не смел. В результате Мустафа все-таки свалил его, хоть и сам тяжело дышал.

Он был когда-то хорошим боксером. Он бил Ганса и при этом говорил ему: «Вот так, малыш, у нас дела делаются. Все жестко и по-серьезному. Привыкай, малыш. Учись держать удар».

Сгоряча Ганс решил было, что отныне его будут бить всегда. Пока не научится. Но Мустафа говорил про другое. Это был его стиль – жесткий, безжалостный. Ганс не испытал его на себе, поскольку работал только под Кичей, но слышал

много историй про Мустафу, рассказанных другими ребятами.

Разговор подходил к концу.

– А квартирка хорошая у того доктора? – снова вспомнил Мустафа.

– Нормальная, – пожал плечами Кича.

– Может, я ее и прикуплю? – вслух подумал Мустафа. – Не помешает, а?

– А что? Можно. Тем более брать будем задешево. – Кича переглянулся с Гансом и рассмеялся.

– Ну ладно... Как поедете, прихватите с собой Грузилу. Пусть поглядит, что за берлога.

На обратной дороге Ганс был угрюм. Ему не нравилось, что на его личной проблеме хотят поиметь свое уже двое. Он, правда, подзабыл, что без этих двоих он вообще не смог бы решить проблему в свою пользу.

Но все равно, Ганс уже перестал быть новичком, благодарным за жалкие подачки. Он хотел работать на одного себя, он видел, какие деньги вертятся вокруг. Он замечал, что любую добычу рвут на куски другие люди, едва только она повернется слабой стороной.

Он хотел получить наконец большой кусок, а не огрызок.

* * *

Поздним вечером возле «Золотого родника» остано-

лись две машины. Небо было совершенно черным, лил холодный дождь. По тротуарам бежали ручейки, шевеля озябшие прошлогодние листья.

Из первой машины выбрался массивный человек в черном плаще. Он забежал по ступеням под козырек, нажал кнопку звонка.

– К кому? – спросил охранник через переговорное устройство.

– Нужен Андрей Андреевич, – ответил гость.

– Сейчас будет...

Дверь открылась, на крыльце показался смуглый молодой человек в белом халате.

– Мы звонили, – вежливо напомнил визитер.

– Я помню, – кивнул Донской. – Сейчас откроются ворота, завозите во дворик. Вам покажут, куда нести больного.

Гость тихо хмыкнул. Назвать Лукова «больной» не решился бы ни один оптимист.

– Там, в машине, хозяин, – прибавил он. – Хотел поговорить.

– Милости прошу.

Человек в плаще трусцой вернулся к машине, открыл заднюю дверь, одновременно разворачивая зонт. На мокрый тротуар неторопливо выбрался Сударев, кутаясь в пальто и с неприязнью поглядывая по сторонам.

– Погодка...

Человек в плаще проводил его до крыльца, тщательно сле-

дя, чтобы зонт находился точно над головой хозяина. Сударев вошел в вестибюль клиники, после чего провожатый отправился командовать выгрузкой тела.

– Здравствуй, Андрей Андреевич, – покровительственно проговорил гость, протягивая руку. – Опять я к тебе.

– Всегда рад, Борис Васильевич, – сдержанно ответил Донской. – Чем могу помочь?

– А все тем же. – Бас звучно отражался от стен пустого холла. – Человечка тебе привез на поправку.

– Никак заболел кто из ваших?

– Да вроде того. Сердечный приступ, еще утром... Кстати, не опоздали мы?

– Нет. Если утром, то нет.

Вошла высокая девушка в голубом халате с алым крестиком на коротком рукаве, поставила поднос с чаем и печеньем. Сударев проводил ее взглядом.

– Хороших цыпок ты набрал себе, Андреич.

– Не ради себя, а ради пациентов, Борис Васильевич.

– Да мне-то что? Если деньги есть, кого угодно можно набрать. Мне-то уже годы не позволяют... – Он кисло улыбнулся и украдкой оглядел Донского с ног до головы.

Тот сидел в кресле расслабившись. Поза свободная, но не чрезмерно. Он напоминал спортсмена, отдыхающего между тренировками. Спокойный внимательный взгляд, красивые, в меру крупные руки, осанка, заметная даже в глубоком кресле. Сударев в очередной раз подумал, что Донской со-

всем не похож на врача в привычном представлении.

– Ну да ладно... – произнес он. – О деньгах я и собирался поговорить.

– Внимательно слушаю.

– Ты помнишь, за сколько ты в прошлый раз человека мне подлатал?

– Помню. Четыре с половиной миллиона.

– Вот-вот. Но у того весь живот был разворочен и голова – навывлет. А этот – почти как новый. Нельзя ли подешевле?

– Разумеется, можно. Тот был чужим, да к тому же иностранцем, а для них особый тариф.

– Та-ак. А для своих?

– Для своих – обычно два-три.

– Дорого, – покачал головой Сударев, и даже его бас прозвучал приглушенно. – Игра свеч не стоит. А еще дешевле можешь?

– Я ведь уже объяснял, Борис Васильевич. Два миллиона долларов стоит полный ремонт. Это не мой каприз, это цена нашего труда и материала. Можно и дешевле, но результат...

– Мне только один результат нужен, Андреич, – проговорил Сударев, кроша пальцами печенье. – Чтоб человек заговорил. Вот и все, понимаешь?

– Ну... Думаю, заговорить он сможет. Но разговор будет совсем коротким – если задешево.

– Ничего, он свое уже и пожил, и поговорил. Пускай только шепнет мне пару слов, а там уж – царство ему небесное...

Донской помолчал, барабанив пальцами по столу:

– Пятьсот тысяч вас устроит?

– Дорого, – вздохнул Сударев. – А куда денешься? Ладно, по рукам, Андреич. Слушай, а дешевле уже никак, да?

Донской с улыбкой покачал головой:

– Пятьсот тысяч – столько стоит минимальный набор материалов и препаратов. Нам с этого останется медный грошик да копейка.

– Да верю, верю... – отмахнулся Сударев. – И конечно, предоплата?

– Обязательно. Пропустите тысяч двадцать-тридцать через банк, остальное – наличными. Без обид, Борис Васильевич?

– Да какие обиды... Я и так у тебя кругом в долгу.

– Не преувеличивайте, – с улыбкой покачал головой Донской. – Вы свои долги оплачиваете очень аккуратно. Никаких претензий.

Сударев поднялся, выпил стоя чашку остывшего чая, вытер пот со лба. Донской тоже встал, готовясь проводить гостя.

– Деньги будут завтра, – сказал Сударев. – Самое позднее – вечером.

– И документы на больного. Все, что соберете, – от паспорта до трудовой книжки. И медкарту, обязательно.

– Да какая у него трудовая книжка! – рассмеялся Сударев, направляясь к выходу, где его ждал адъютант с зонтом

наготове.

У двери он остановился, словно в раздумье. Затем приблизился к Донскому и заговорил тихо, чтоб не слышал охранник.

– А все-таки не пойму я, Андреич, твоих раскладов. Как ты это делаешь? Я же тебе натуральный трупешник привез, как ты его расщекочешь?

– Ну-у... – Донской опустил глаза.

– Ладно, молчи, молчи... Знаю, что секрет. Просто не по себе от этого становится.

– Да нет, Борис Васильевич, тут никакой мистики. Метод глубокой реанимации, очень дорогая и сложная технология. Замена омертвевших клеток живыми, искусственное омоложение тканей...

– Красиво поешь, – усмехнулся гость. – Да только врешь, как пить дать. Ничего, я не в обиде. У каждого свои секреты. Я только об одном прошу. Если случится, что помру своей смертью и меня к тебе привезут, – не позволяй им этого делать. Не хочу. Жутко мне от таких фокусов.

– Почему вы думаете, что я вру? – вежливо улыбнулся Донской.

– Тебе еще объяснять? Да если бы такая технология была – пусть дорогая, сложная, – все равно на каждом углу кооператив бы открылся. Я бы сам открыл – «Улыбнись, покойник» называется.

– На каждом углу – вряд ли. У нас очень хорошие врачи

и очень дорогая аппаратура. Профессионализм – редкость, Борис Васильевич. На каждый кооператив не напасешься.

– Может, и так, – пожал плечами Сударев, запахнув пальто. – Ну, счастливо оставаться. Присматривай за Лукой... за пациентом. Он мне ох как дорого обходится.

– До свидания, Борис Васильевич.

* * *

Ганс и Кича хоть и обещали вскорости навестить, но в ближайшие четыре дня так и не появились. Григорий немного успокоился. Возможно, надеялся он, ему простили вмятину на машине, место которой и так на свалке.

Поэтому он так и не собрался пойти за советом к более серьезным людям, чем Валька Толстопятов. Такие люди, конечно, были в числе его прежних пациентов. Кого-то он, бывало, вытаскивал из покореженной иномарки, кому-то обрабатывал входные и выходные пулевые отверстия в трясущемся «рафике», бешено мчащемся в больницу.

Очень часто его благодарили и предлагали обращаться за помощью. Григорий говорил «да, конечно», но никакой помощи не просил. Он считал этих людей бесконечно далекими от себя и сомневался, что кого-то могут взволновать его беды. Кроме того, он не был уверен, что его запомнили. В крови и горячке все братаются и предлагают вечную дружбу, однако затем цена этих клятв неумолимо падает.

Отпущенная неделя уже истекала, и тут наконец грянул гром.

Григория подстерегли поздно вечером на выходе из подстанции, когда он собирался домой. Он вышел на крыльцо, расправил зонт и вдруг услышал знакомый голос:

– Эй, Пилюлькин!

«Опель» стоял под фонарем во дворике, заехав под «кирич». Ганс копался в моторе, Кича сидел на корточках рядом и курил.

– Ну, подходи, что ли, – позвал Кича.

Григорий почувствовал, как к нему возвращается то состояние безысходной беды, от которого он, казалось бы, избавился. Это произошло сразу, без перехода. Словно было солнце – и вот его закрыла туча.

Он повернулся, медленно, не теряя достоинства, подошел. Кича легко поднялся, усмехаясь, протянул руку.

– Вот видишь, бричку сломали, пока к тебе ехали. Ну, как дела? Документы начал оформлять?

Григорий выдержал паузу в несколько секунд.

– Какие документы? – спросил он.

С лица Кичи быстренько сошла ухмылка, он взглянул на Григория как на клятвопреступника.

– Ты что, дурак?! Документы – на квартиру! Ты начал продавать? Ты покупателя хоть нашел? Нашел, я спрашиваю?!

– Нет. – Язык так и просился добавить «еще», но Григорий сдержался.

– Ну ты смешной парень, честное слово! У тебя точно позднее зажигание. – Кича взглянул на Ганса, деля свое возмущение. Тот распрямился, подошел на пару шагов, вытирая черные руки тряпкой. Он смотрел на Григория молча и неподвижно, даже не моргал.

– Ты думаешь, мы тут шутки с тобой шутим? – Кича вдруг резко двумя пальцами поддел Гришу за подбородок, заставив голову дернуться. – Мы уже с людьми договорились, уже все расклады подписали, а ты, оказывается, только телишься.

Ганс пока молчал. Время Ганса не пришло.

У Григория в душе слабо шевелилась надежда, что сейчас на крыльцо выйдут ребята из сменившихся бригад. Хотя бы человека три. Станут ли они ввязываться? С первого взгляда ясно, что за люди ступили на эту землю. Прогонишь двоих – завтра придут десять.

Григорий готовился, что вот-вот его начнут бить. Сопротивляться бесполезно по многим причинам. Ганс лет на пять моложе его и наверняка сильнее, а кроме того, умеет бить профессионально. Но у Кичи были другие планы. Сегодня он только намекал на возможность воздействия болью. Он двигался к главному постепенно, понимая, что нельзя доводить жертву до полного озлобления. Обязательно, пока возможно, нужно оставлять просвет для мысли – а стоит ли идти на крайние меры?

– Ну все, хватит, – сказал он. – Мы и так время потеряли. Сейчас садись с нами и едешь. Ганс, готова машина?

– Еще десять минут, – ответил Ганс, снова залезая под капот.

– Да брось ее, поехали на такси!

– Не, я быстро... – Он вдруг высунулся из-за крышки капота, посмотрел на Кичу и тихо сказал: – Бирку не забудь.

Тот кивнул.

– Кстати, паспорт с собой носишь? – спросил он Григория.

– А что?

– Ты мне не чтокай! – Кича энергично подвинулся на Гришу грудью. – Носишь?

– Ношу.

– Покажи.

Григорий вытащил паспорт, покрутил в руке.

– А ну... – Неуловимым движением Кича выхватил книжечку, раскрыл на первой странице, потом перелистнул. Гриша слишком поздно подумал, что давать ему в руки паспорт не следовало. Эта книжечка в некоторых обстоятельствах способна полностью подменить человека.

– Значит, так, – проговорил Кича, глядя на Гришу исподлобья. – Ксива пока остается у меня. Документы оформлять будем вместе. И смотри...

В этот момент за воротами скрипнули тормоза. К зданию подъехал милицейский «ГАЗ»-«будка», двое патрульных вывели из фургона полуодетого гражданина с разбитым в кровь лицом. Не торопясь, они повели его к крыльцу.

Это был шанс. Гриша точно знал – если паспорт будет у

них, они получают полную власть над хозяином. Вернее – над его имуществом. Вплоть до того, что человека могут посадить на иглу или даже убить, а квартиру благополучно продать.

Гриша взмахнул рукой – и паспорт снова оказался у него. Кича с изумлением вытаращил глаза.

Милиционеры медленно вели пострадавшего к крыльцу.

– Счастливо оставаться, – проговорил Григорий и быстро пошел к воротам. Там он прыгнул в первую же «санитарку».

– Врубай сирену – и срочно ко мне, – сказал он знакомому водителю.

– Да мы вроде как на вызов... – удивился тот. – Диабетика сейчас повезем.

– Жми, а не то завтра меня вперед ногами повезешь!

– А-а, понял, – кивнул водитель и включил передачу.

«Десять минут, – проговаривал про себя Гриша. – У меня только десять минут, чтоб исчезнуть».

* * *

– Дурдом! – Светлана бессильно опустила руки.

В доме действительно творилось что-то потрясающее. Началось с того, что Пашка захотел кофе. Светлана ответила, что маленьким детям кофе пить нельзя, но Пашка продолжал кланчить: «Мама, хочу кофе».

Стоило Светлане отойти в ванную, ребенок взял инициа-

тиву в свои руки. Неслышно подставил к шкафу табуретку, достал банку с кофе, взял кружку и чайник и принялся сам готовить себе напиток: насыпал полкружки кофе, столько же сахару, плеснул воды.

Светлана вошла в комнату, когда смесь была уже готова и мальчик морщился, пробуя ее, – напиток получился горьковатым. Мама воскликнула: «Ах!» – ребенок от испуга выронил кружку. Светлана бросилась на кухню за тряпкой, чтобы перехватить густой черный ручеек, ползущий к коврику. Пашка, испугавшись возмездия, вскочил и опрокинул банку с кофе. А заодно и чайник.

А тут еще некстати раздался звонок в дверь. Пашка испугался еще больше, метнулся к дивану, за которым обычно прятался, и растянулся на полу, собрав майкой кофейное озеро.

– Дурдом! – повторила Светлана и пошла открывать.

– Катя! – воскликнула она, едва открыв дверь. – Наконец-то! Сто лет пропадала.

– Светик, уезжаю, – с порога сообщила подруга, пытаясь одновременно снять сапожки, расстегнуть пальто, стряхнуть воду с черных кудрей и повесить на крючок сумку, не забыв еще и оглядеть себя в зеркало. – Я ненадолго, попрощаться.

– Ты что говоришь? Куда?

– Ой, Светка, уезжаю насовсем. – Катя выронила сумку и закрыла лицо руками, собираясь прямо тут расплакаться.

– Раздевайся, проходи, сейчас расскажешь. У нас тут,

правда, стихийное бедствие...

В комнате Пашка с виноватым видом вытирал кофе белоснежным полотенцем, только что высохшим после стирки. Светлана снова ахнула. Пашка подпрыгнул и исчез за диваном, бросив испачканное полотенце на мамин голубой халат.

– Сиди там и никуда не выходи, – топнула ногой Светлана. – Пока весь дом не разгромил.

Через минуту Катерина сидела на кухне, теребя незажженную сигарету, на столе стояла бутылка сухого вина, лежали две шоколадки. Та, что поменьше, предназначалась ребенку. Светлана разжигала огонь под сковородкой.

– Уезжаю, Светка, на север. С ним.

– С ним?

– Ага. А что мне делать? – виновато вздохнула подруга.

– И что у него там?

– Квартира двухкомнатная. Машина – «Нива», кажется. Да ведь я тебе все рассказывала. Он главный инженер на какой-то газовой станции. И получает хорошо. Сколько – пока не говорит, но видно же...

– Ты бы лучше подумала, Катенька, чем будешь там заниматься. А еще – сколько там зимой градусник показывает. Ты ведь не северянка, у тебя от любого сквозняка насморк. А ребенок родится...

– Ой, Светик, молчи. Сама знаю, что трудно, самой страшно. Ничего, живут же там люди.

Наконец еда была поставлена на стол.

– Иди ужинать, – позвала Светлана мальчика. Тот еще глубже забился под диван, наблюдая оттуда за развитием событий.

– За встречу, Светочка, – сказала Катя, подняв бокал. – Сто лет не виделись. У тебя-то что нового? Все там же работаешь?

– Там же, – кивнула Светлана, пробуя вино. Она взяла бутылку, повернула. – Слушай, по-моему, «Кагор» через «а» пишется. А тут – «Когор».

– Не знаю, в палатке брала. Может, не русский?

– Да, скорее всего. Наших-то видела кого-нибудь?

– Наталью встретила недавно. Она со своим разошлась.

– Опять? Отчего?

– А от того же. Они с Валькой приходят к ней, а у него глаза бегают. Смотрят – туфли в прихожей. Всю квартиру обошли – никого нет. А по глазам видно, что кто-то есть. Наталья ему по морде влепила и ушла.

– Так и не нашли, кто там был?

– Никого не нашли.

– В ванной смотрели?

– И в ванной, и на балконе, и под кроватью. Правда, знаешь, у них телевизор новый, и коробка на антресоли стоит, большая. Может, туда запрыгнула? Да ладно, разберутся. У тебя как дела, расскажи.

– Все так же. На двух работах, а толку чуть.

С независимым видом в кухню вошел Пашка. Прогулялся

взад-вперед, бросая долгие взгляды на шоколадку. Затем так же степенно удалился.

– Разведчик, – хихикнула Катя.

– Это он нас сегодня без кофе оставил. Пусть походит.

– Наливай еще. За дорогу, да? А в садик вы ходите?

– Ходим. Ползарплаты за этот садик отдаю.

– Как?! Ты же мать-одиночка, тебе должны...

– Не одиночка я, а разведенка. Это, Катенька, большая разница, и платить мне надо по полному тарифу.

– Ну надо же! Слушай, а твой не появляется?

– Он сейчас в Италии работает. Прислал один раз деньги ребенку, давно – еще на день рождения. На две рубашки еле хватило. Бизнесмен хренов...

– А чего на алименты не подашь? Это же его ребенок, он должен!

– Ох, Катя, никто мне ничего не должен. Все сама. И я уже привыкла.

– Постой, ты сказала, на двух работах. В парикмахерской – знаю, а где еще?

– В школе убираюсь по вечерам.

Катя удивленно захлопала глазами:

– Ты – полы моешь? Светка, да ты что?!

– А что? По знакомству, между прочим, устроили.

– Светик, это уму непостижимо. Мы в школе думали, ты какой-нибудь звездой станешь или фотомodelью. Весь мир объедешь.

– И на Луну слетаю. Только белье постираю, посуду помою, ребенка в сад отведу, в больницу с ним схожу, полы вымою, магазины обегу, еды наготовлю... А потом можно и мир объезжать.

– Да ладно тебе! Помнишь, как десятиклассники из-за тебя дрались? А фигурка у тебя и сейчас как у балерины. Мне бы такую...

– Не прибедняйся, Котенок, ты же очень красивая.

– Я симпатичная, а красивая у нас ты. И нечего тебе полы мыть. Господи, да я же помню, сколько к тебе мужиков липло! Неужели никто не мог получше пристроить?

– Они, Катенька, не для того липнут, чтоб мою жизнь устраивать. Им больше интересно, куда я Пашку на вечер деду. А чем его кормлю и во что одеваю – ни один еще не спросил, веришь?

– Можно я тут еще покурю? А хочешь, у своего спрошу, вдруг поможет. У него знакомых много...

– Чем поможет, жениха найти? Спасибо, мы уж сами...

– Мама, я хочу есть! – провозгласил Пашка, вновь появившись на кухне и не сводя взгляда с шоколадки.

– Сейчас положу, садись. Пойдем, Котенок, в комнату. И бутылку захвати.

...Вечером, когда Катя ушла, со слезами пообещав, что будет писать и при случае обязательно поможет, а Светлана стирала испачканный Пашкой халат, ребенок вдруг заплакал.

Света вытерла руки, вошла в комнату и присела на край его кровати.

– Ну, что случилось? – спросила она, обняв мальчика обеими руками – влажными, пахнущими душистым стиральным порошком. – Что ты плачешь?

– Мама, прости, я больше никогда не буду кофе пить. Я всю банку тебе рассыпал.

– Не плачь, зайчик, купим мы новую банку. Спи спокойно. – Она нежно погладила его волосы.

– У тебя денежек мало, ты мне игрушки совсем не покупаешь.

– Ничего, маленький, я заработаю денежки и куплю тебе что хочешь. Скажи, что ты хочешь?

– Я хочу солдатиков резиновых. А я тоже буду зарабатывать и куплю тебе кофе.

– Вот и хорошо. А теперь спи, завтра в садик рано вставать...

* * *

Григорий бежал вверх по лестнице, на ходу доставая ключи. «Десять минут, – твердил он про себя. – Только десять минут на все. Целая вечность, правда, очень маленькая. Если, конечно, они не бросят машину и не поедут за мной на такси, если не пришлют наперехват кого-то еще, если, если, если...»

Дверь недовольно скрипнула, но пустила Григория в квартиру. Сумка на вешалке, вещи в шкафу, документы в столе. Все на своих местах. Что еще? Деньги – двести пятьдесят долларов – в карман. Кажется, все. Зубная щетка, бритва... Ну, с богом!

Он выскочил на площадку, закрыл дверь на оба замка. Из квартиры напротив высунулся сосед Витька. Все в той же майке, такой же всклокоченный, как обычно.

– Ты чего такой взмыленный? Ты куда?

– Витя, уезжаю. Присматривай в глазок, если что – звони ноль два.

– Куда уезжаешь? Какое еще ноль два?

– В Питер уезжаю, в институт. Срочно вызвали на семинар. Если кто спросит – так и скажи, понял?

– Ну ладно, скажу.

– Не забудь, я в Питере! – крикнул Григорий, сбегая по лестнице.

Во дворе было пусто и темно. Гриша прокрался вдоль стены дома, не выходя на асфальт, и оказался на улице, где горели фонари и шумели троллейбусы. Махнул рукой – рядом остановилось такси.

– На вокзал! Нет, стоп! Я хотел сказать, в аэропорт.

Гриша сел назад, откинулся на спинку. Что дальше? Позвонить на работу, сказать, что пришлось срочно уехать по семейным обстоятельствам. С начальством отношения нормальные – поймут, душу мотать не станут. Взять билет до

Москвы – это сейчас не проблема, народ мало летает. Знать бы расписание заранее...

Гриша собирался именно в Москву, а не в Питер, как сказал соседу. Он намеренно путал следы. В столице можно будет пожить у Оксаны, поразмыслить, как быть дальше. Какой-то выход обязательно должен найтись.

Он вдруг задумался: а как встретит его Оксана? Не выгонит, конечно, но все-таки... Слишком давно они не виделись и даже не перезванивались.

Его знакомство с Оксаной началось очень романтично. Как-то в августе он приехал на 25-летие своего аэроклуба. В честь праздника, конечно, устроили показательные полеты и прыжки – молодые демонстрировали «старикам», что и они не лыком шиты.

«Старикам» пришла в голову сумасбродная мысль – устроить групповой прыжок памяти в знак преданности небу. Слава богу, никто не успел приложиться к бутылкам, ждавшим своей очереди в багажниках, и руководство разрешило прыжок.

Прыгали с двух тысяч, с троса. Когда «Ан-2» поднялся в небо, на горизонте возникло небольшое плотное облачко, но никто не придавал этому значения. Однако в тот момент, когда ребята посыпались из люка, облачко, оказавшееся не таким уж маленьким, закрыло солнце. Ударил бодрый ветерок, мигом раскидавший ребят по небу.

Кто-то справился с ситуацией легко, но многих разброса-

ло в радиусе трех километров. Григорий видел, что его несет к реке, и маневрировал, чтобы не окунуться в воду. Однако двухгодичный перерыв дал о себе знать, пришлось все-таки проехать на заднице по мокрой кромке берега.

Он собрал в кучу парашют и зашагал вдоль реки в направлении аэродрома. Перебираясь через бугор, он вдруг увидел неожиданную картину.

В лощинке стояли четыре этюдника. А рядом, в тени кустов, трое молодых девчонок хлопотали вокруг четвертой, беспомощно лежавшей на траве. Юные художницы, видимо, срисовывали живописный изгиб реки, что открывался отсюда, и одна из них перегрелась на солнце. Подруги бегали вокруг, брызгали водой из пластиковой бутылки и выпускали панические восклицания.

– В чем дело? – громко спросил Григорий. – Я врач.

Когда его увидели – мокрого, тяжело дышащего, в парашютном снаряжении, – воцарилась немая сцена.

– Вот это я понимаю – «Скорая помощь»! – изумленно проговорила одна из художниц – стройная и гибкая брюнетка в узких джинсиках.

Это и была Оксана.

Гриша обложил голову и шею пострадавшей мокрыми тряпками, наказав подружкам почаще их менять – благо река рядом. А позже за ней приехала машина с аэродрома.

С Оксаной они потом пару раз случайно встретились в городе. Узнавали друг друга, останавливались поболтать. Раз-

говоры получались долгими, и однажды они договорились встретиться.

Оксана умела говорить с кем угодно и о чем угодно. Гришиным родителям она понравилась. Но через год она закончила художественное училище и поехала в Москву, поступать в Суриковское. «Пропала девка, – сказал по этому поводу отец. – Считай, Гриша, потерял невесту».

Были частые письма и звонки, редкие встречи. Ниточка, связывающая Григория с московской студенткой Оксаной, становилась все тоньше. Но пока не обрывалась. На это он и надеялся.

* * *

В аэропорту было пустынно. У входа зевали таксисты, внутри дремали немногочисленные пассажиры. Далеко на летном поле слышался свист самолетных двигателей, доносились неразборчивые голоса из громкоговорителей.

Григорий обменял деньги в круглосуточном пункте, подошел к кассе.

– Один, Москва.

– Рейс на два сорок, проходящий, – ответила немолодая крашеная блондинка из окошка, задумчиво оглядев Григория. – Паспорт, пожалуйста.

«Ждать недолго», – с облегчением констатировал Гриша, присаживаясь в зале ожидания.

Через минуту он понял, что слишком часто поглядывает на вход. Каждую секунду он подсознательно ждал, что вот сейчас появятся мускулистые парни, выволокут его из здания и запихнут в машину. И никто пальцем не пошевелит. Даже милицию не вызовут. Сам попал – сам выкручивайся.

Он поднялся и пошел в буфет. Оттуда можно было наблюдать за обстановкой из-за колонны.

– Что вы хотели? – устало поинтересовалась бабушка-продавец.

Гриша пробежался глазами по ценникам. Мысленно усмехнулся: в карманах полно денег, а он все считает копейки.

– А что там? – спросил он, указав на бархатную занавеску, из-за которой доносилась приглушенная музыка.

– Бар у нас там, – ответила женщина, оценивающе посмотрев на покупателя.

– Открыто? Можно зайти?

– Можно и зайти, если деньги есть, – был ответ. Бабушка, видимо, ревновала ускользящего покупателя.

«А почему бы не зайти? – подумал Гриша. – Деньги есть. Ночь, аэропорт, ресторан, бандиты на хвосте. Романтика, черт бы ее побрал...»

В баре тоже было пустынно. Только толстый человек в берете, уснувший за столиком, да две увядающие девицы, явно не пассажирки.

Гриша, проигнорировав многозначительные женские

взгляды, направился к стойке.

– Садитесь за столик, вас обслужат, – лениво буркнул сонный бармен, на мгновение оторвавшись от телевизора.

Одна из девиц оказалась официанткой. Тяжело поднялась, одернула передник, принесла меню.

Григорий заказал относительно скромный ужин с коньяком и принялся ждать. В баре ничего не менялось. Бармен курил, тупо глядя в телевизор, человек в берете спал. На стенах пестрели фоторепродукции, изображающие вазы с фруктами, жирные ломти ветчины с зеленью, зажаренных осетров и поросят. «Тоска, – подумал Гриша. – Можно было перекусить и в буфете».

Бездействие и ожидание – лучшая почва для гнетущих мыслей. Гриша гнал их от себя изо всех сил, однако пессимизм был сильнее. Никакой романтики в своем положении он, конечно, не ощущал. Чувство опасности не волновало, не подстегивало, а, напротив, отупляло.

Гриша впервые понял, насколько это жалкая участь – быть загнанным животным. Впрочем, животным природа дала оружие – когти, зубы, рога, быстрые ноги. Даже самая жалкая тварь имеет способ прогнать врага или уйти от опасности: ядовитые иглы, панцирь, раковину, на худой конец – нору. У человека ничего подобного нет. Может, потому, что ему приходится враждовать в основном с себе подобными.

Как легко, оказывается, стать жалким. Всю жизнь Гриша строил себя: занимался спортом, читал книги, набирал

прыжки в парашютном клубе, учился, публиковал статьи в журналах. Казалось, каждый такой шаг словно бы прибавляет роста. Но вот пришли двое полуграмотных парней с незамысловатыми манерами, ухватили покрепче – и ничего не осталось от прежнего Гриши. В ноль превратились и его парашютные прыжки, и ученая степень. Остальное – размазать жесткой пятерней и вытереть о штаны...

И самое гнусное, что в любом случае ты остаешься со своими бедами в одиночестве. Есть друзья – но меньше всего хочется их впутывать. Никому нет до тебя дела – не те времена, когда преступники в меньшинстве. Сейчас они самая сплоченная сила, они главные в этой жизни. Мальчишки во дворах поют о них вечерами песни, гнуся на блатной манер, газеты избрали их любимой темой для анекдотов, да и блеснуть дружбой с бандитами стало куда престижнее, чем раньше – с известными актерами или музыкантами. В любом городе или районе каждый школьник знает по именам местных авторитетов.

Никто сегодня уже не мечтает покорять космос или Антарктиду, ибо бритоголовая братва открыла миру другой, более простой путь к успеху, известности, авторитету и деньгам.

И бесполезно сопротивляться, если ты вдруг попал в шестерни этой неукротимой машины. Героев-одиночек в реальной жизни не бывает. Можно спрятаться, переселиться в городскую канализацию, а по ночам выходить с обрезом, от-

стреливая одного за другим своих врагов, но это ни на грамм не прибавит в мире справедливости. Общество станет бороться с тобой, а не с ними, потому что тебя победить легче.

Гриша попытался продумать, что ему делать, когда кончатся деньги и придется возвращаться домой. Возможно, Ганс и Кича перебесятся, может, их отвлекут другие дела – мало ли у них дел?

Надежда, конечно, слабая. Если совсем прижмет, придется писать заявление в РУОП. Но если и там у них «свои ребята»... Лучше об этом не думать.

У входа в бар за шторами послышались громкие голоса. Гриша машинально опустил голову, чтобы скрыть лицо. В полутемное помещение вошли двое. Один – в длинном пижонском пальто и шляпе с чуть загнутыми полями. Другой – плотный, невысокий, с короткой стрижкой, внешностью и повадками смахивающий на хорька. На пальце он крутил ключи от машины.

– Девочки, добрый вечер! – сказал тот, что в шляпе.

Показалось, что голос откуда-то знаком. Оба вошедших обменивались с девушками пустыми репликами, негромко смеялись. Хорек назвал каждую по имени, поздоровался с барменом. Похоже, посетители их не интересовали. Гриша с облегчением перевел дыхание. Ложная тревога.

– Какими судьбами, Андрюша? – спросил бармен, затушив сигарету и заняв место у стойки.

– Все гостей встречаю, – ответил парень в шляпе, и вновь

Гриша задумался, где он мог слышать этот голос.

– Самолет ждете?

– Ну не пароход же... Накрывай стол, нам тут еще долго сидеть.

В баре стало шумно, весело, словно подуло свежим ветром. Даже человек в берете проснулся и принялся таращиться на окружающих.

Посетители сели за стол, парень скинул шляпу. И тут Гриша узнал его. Не только узнал, но и вспомнил имя. Это был Андрей Андреевич Донской, тот самый человек, что встречал их с Алькой в «Золотом роднике».

Гриша заволновался. Сейчас был не самый лучший случай для знакомств, но другой вряд ли представится. Ему очень хотелось поговорить с этим человеком и выяснить наконец, чем закончилась история с безнадежным коматозником. Не только из-за любопытства перед почти мистической историей, но и для очистки совести. Ему надо было услышать, что все кончилось благополучно.

Официантка принесла ужин и крошечный графин с коньяком. Однако еда уже мало интересовала Гришу.

Он никак не мог решиться подойти. Эти ребята могут просто-напросто послать куда подальше, и будут совершенно правы.

Ну а если нет?

Рискнуть стоило, в любом случае Гриша ничего не терял. Он попытался прислушаться к разговору за соседним столи-

ком, но ничего не разобрал.

Тем временем Донской попросил телефон. Официантка принесла ему радиотрубку из подсобки. Звонок адресовался, видимо, диспетчеру: Донской интересовался прибытием какого-то борта. Прозвучало слово «спецрейс», затем был упомянут Тунис. С каждой минутой становилось все интереснее.

Гриша выпил для храбрости рюмку коньяку и решился. Он поднялся и подошел к столику Донского. Тот посмотрел с некоторым удивлением.

– Добрый вечер, – непринужденно сказал Гриша. – Извините, что помешал, но очень хотелось бы знать, как здоровье нашего пациента.

– Вы о чем? – спросил Донской, зафиксировав каменное выражение лица.

– Кто это? – забеспокоился его приятель. – Ты его знаешь?

– Да нет... – ответил Донской, но затем в его глазах мелькнуло понимание, он вспомнил. – А-а, узнаю, узнаю... Надо же, какая странная встреча.

– Сам удивляюсь, – развел руками Григорий. – Так что с пациентом?

– Не извольте беспокоиться, – с готовностью ответил Донской. – Состояние тяжелое, но общий кризис миновал. Проводим интенсивную терапию.

Его попутчик настороженно переводил взгляд с одного на другого, не понимая, что происходит. Донской замолчал, вы-

жидательно глядя на Григория.

– А если серьезно? – спросил тот.

– Я говорю совершенно серьезно. А что вы так беспокоитесь, он вам родственник? Могу передать ему привет.

Гриша почувствовал, что ведет себя глупо. Ничего они ему не скажут – первому встречному, пусть даже врачу. Он пробормотал извинения и поплелся за свой столик. Попытка познакомиться не удалась.

Донской с приятелем молча проводили его взглядами, затем начали о чем-то вполголоса переговариваться. Гриша вдруг заметил, что оба в упор смотрят на него.

– Садись к нам, парень! – позвал хорек. – Что ты там один...

– Простите... – Гриша подумал, что ему послышалось.

– Давай иди сюда.

Гриша поднялся и пошел, пытаясь понять, не разыгрывают ли его. Он сел, ему придвинули чистый бокал, налили пива.

– Тебя как зовут?

– Григорий.

– Вот это Костя, наш стоматолог, а я – Андрей. Можно на «ТЫ».

– Я помню. Андрей Андреевич Донской.

– Надо же, какая память! Ну рассказывай, Гриша, как ты тут оказался? Встречаешь кого?

– Да нет, улетаю.

– На московском, что ли? – спросил Костя.

– Да. То есть нет, конечно, на питерском.

– Интересно, – подивился Донской. – А чего ночью-то?

– Ну... Так получилось.

– Странный какой-то, – усмехнулся Костя. – Ты, случайно, не шпион?

– Да нет, – улыбнулся Гриша. Улыбка вышла натянутой – новые знакомые чересчур активно интересовались его делами.

– Действительно, странно. – Донской наклонил голову, оценивающе посмотрел на Гришу. – С чего бы это простому доктору срываться ночью в Питер, да еще на полугрузовом транзитном рейсе. И вещей почти нет.

– Без ста грамм не разберемся, – махнул рукой Костя. – Ты пей пиво, не стесняйся.

– Спасибо, но я уже начал пить коньяк, – вежливо отказался Гриша.

– Еще лучше! Тащи сюда свой коньяк, я с тобой, за компанию...

– Еще что-нибудь? – спросила официантка, проходя мимо.

– Ага, – ответил Донской. – Тебя с твоей подружкой. Садитесь, украсьте наш суровый мужской круг.

Девушка посмотрела на часы, потом на бармена. Тот махнул рукой и снова уставился в телевизор.

– Ладно, – сказала девушка. – Все равно сегодня никого

нет.

Гриша тоже украдкой посмотрел на часы. До самолета оставалось больше часа, спешить некуда. Он поковырял вилкой салат, выпил пару глотков соку. Спиртного больше не хотелось.

За столом повеяло духами – рядом уселись девушки. Костя засуетился с бутылками и стаканами.

– Когда еще посетитель вас обслужит? – сказал он. – Пользуйтесь случаем.

– Вы, насколько я понял, кого-то встречаете? – поинтересовался Гриша. И уточнил: – Кажется, из загранки?

– Да, из загранки, – нехотя согласился Донской.

– У них там плюс двадцать пять, – заметил Костя.

– На море хочется... – вздохнула официантка, безучастно глядя, как ей наливают вино.

– Можешь лететь обратным рейсом, – предложил стоматолог. – Мы все устроим, даже без визы. Там и море, и пальмы, и негры...

– А разве у нас международный аэропорт? – спросил Гриша.

– Для кого как... А ты все-таки зачем в Питер собрался среди ночи?

Гриша все-таки выпил полрюмки и решил, что теперь точно – хватит.

– Хочу поработать в лаборатории. Давно собирался, а тут случай представился. Я вещички быстро собрал – и вот...

– В лаборатории? – удивленно протянул Донской. – Ну и дела! Если «Скорая помощь» теперь в лабораториях практикуется, то мне пора свой НИИ открывать.

– Да нет, «Скорая» не практикуется. Я пишу работу, нужна практическая часть.

– Ах вот что... Ординатура?

– Нет, это уже пройденный этап.

– Ничего не понимаю. Если ты закончил ординатуру, то получил лицензию лечащего врача. Почему тогда работаешь в «Скорой»?

– Там режим удобнее. Хватает времени писать.

– А не лучше тебе по специальности работать? И практически мог бы на месте делать.

– Так ведь нигде. Условия нужны, оборудование, препараты, консультанты.

– По какой теме твоя кандидатская?

– Ну, во-первых, докторская, – сказал Гриша, заметив, что обе девицы уже начали скучать. – А тема – вакцинации.

– Иммунолог, что ли? – заинтересовался Донской и даже отложил вилку.

– Да, – сказал Гриша и допил рюмку.

К нему возвращалась уверенность. Он был не один, он не боялся, что сейчас войдут Ганс с Кичей и сделают с ним что хотят. От новых знакомых исходило спокойствие и уверенность. Чувствовалось, они с подобными проблемами справились бы. Пожалуй, стоит спросить у них совета...

– Да, мир полон сюрпризов, – с чувством сказал Донской. Костя закивал – только он понял, что тот имел в виду. – Расскажи нам, Гриша, про свои вакцины. Что исследуешь?

– Грипп и ОРЗ. Но это моя вторая тема.

– На Нобелевскую метишь? – усмехнулся Донской. – А первая какая?

– Первая – медицинские лазеры. У вас нет закурить?

– Врачи не курят! – с укором заметил Донской.

– Только не в «Скорой».

– На. – Официантка протянула раскрытую пачку.

– И все же, Гриша, что ты так мечешься из крайности в крайность? То лазеры, теперь – грипп... Что-то не получается?

– Нет, все получается. Но развивать тему лазеров сложно. Нужна техника, нужны опыты. Техника дорогая, ученые мужи – косные. Деды-профессора шарахаются от новинок, как от дуста. Может, в будущем продолжу.

– Ну, знаешь... – с сомнением покачал головой Донской. – Ты фактически не тему сменил, а специальность. Все с нуля начал.

– Да нет, – пожал плечами Гриша. – Просто есть кое-какие мысли. Почему бы их не опробовать и не высказать? Я же не карьеру делаю, просто мне это интересно.

Подруга официантки демонстративно зевнула, но ни-кто не отреагировал.

– А про карьеру тоже не стоит забывать.

– Успеется.

– Отвяжись от парня, – сказал Костя. – Тебе коньяк налить?

– Не надо. И сам не пей, тебе еще машину вести.

– Так это утром!

– До утра так нарежешься, что рядом с грузом класть придется.

– Ты – главврач в «Золотом роднике»? – поинтересовался Гриша.

– Нет, я администратор. А что?

– Ничего, просто выглядишь молодо.

– Мы с тобой вроде одних лет. Я же не удивляюсь, что ты уже докторскую пишешь. Все-таки расскажи про свои лазеры. Что за резон?

– Обработка кроветворных клеток...

– Вера, а у тебя на зеленой юбке складки прострочены или просто заутюжены? – нарочито громко спросила официантка и с легким презрением посмотрела на мужчин.

– Не обращай на них внимания, – проворковал Костя, приобняв ее за талию. – Я вас буду развлекать. Значит, слушайте. Приходит один мужик домой, а в туалете кто-то на рояле играет...

– Так что там насчет кроветворных клеток? – напомнил Донской.

– Долго рассказывать суть... Это разработка для ослабленных детей до года. Вкратце – если «прогреть» инфракрас-

ным лазером с определенной длиной волны стволовые клетки в позвоночнике, это стимулирует их работу. У младенца быстрее вырабатываются собственные антитела взамен материнских.

– Что-то новенькое.

– М-да... Один поляк описал эффект, а я доработал. Вернее, попытался доработать. Но так до конца и не доказал.

– Отчего же?

– Не хотят мои лазеры к детям допускать. Я ведь уже говорил, методика молодая, лазеры только сорок лет как изобрели, а в медицине они и того меньше. Все боятся излучения. Неизвестно, мол, что через двадцать лет будет – рак или еще хуже. А на взрослых испытывать смысла нет, у них свой иммунитет.

– Смысл-то есть... – туманно проговорил Донской, барабанив пальцами по столу. – Есть над чем подумать.

Григорий поднялся и попросил бармена сделать кофе. Тот выставил полную до краев чашку. Гриша присел у стойки, размешивая сахар. Вскоре Донской сел рядом.

– Все-таки темнишь ты, парень, – тихо сказал он.

Гриша молчал, продолжая помешивать кофе.

– А ну, выкладывай, что у тебя за проблемы!

– С чего ты решил, что у меня проблемы?

– Думаешь, незаметно? Вид у тебя какой-то подавленный. Суетишься, нервничаешь. На дверь то и дело смотришь, на часы...

– И что? Просто боюсь не успеть на самолет.

– В самом деле? А мне кажется, на питерский рейс ты точно не опоздаешь.

– Почему?

– Потому, что он по нечетным числам. А сегодня какое?

Донской тихо рассмеялся, затем похлопал Гришу по плечу.

– Ну, давай рассказывай.

Григорий думал с полминуты. Потом начал рассказывать. Донской слушал не перебивая. От столика доносились женский смех и голос уже пьяного Кости, но это не мешало рассказывать.

– Чьи они были? – спросил наконец Донской.

– Не знаю, не представились.

– Зря не спросил. Сейчас бы все одним звонком решили.

– Одним звонком? – не поверил Григорий.

– Ну, двумя или тремя – какая разница? Не такая уж большая проблема.

– Для меня – большая.

– А для меня – нет. – Донской повернулся к столику, позвал стоматолога. – Слышь, Костя, наш доктор, оказывается, от погони уходит.

– Я ж говорил – шпион! – заржал тот.

– Ты погоди гоготать. Он вез нам пациента, а какие-то быки на «Опеле» его подрезали. Теперь накатили и требуют платить за машину.

– А чьи они? – мигом посерьезнел Костя.

– Да вот неизвестно. В том-то и проблема.

– Не такая уж и проблема... – Костя взял со стола трубку телефона, начал набирать номер. Потом ему расхотелось, и он отдал трубку Донскому. – Поговори ты, а то от меня коньяком пахнет.

Донской отошел с телефоном за крайний столик. Гриша не мог знать, о чем он так долго говорил, хотя и пытался услышать. Потом Донской спросил у него адрес и повторил его в трубку. И наконец отложил ее.

– Ну все, – сказал он. – Выпей еще рюмочку на сон грядущий – и отправляйся домой отдыхать.

– А что там?

– А там все будет хорошо. Можешь поверить на слово, мы своих не подводим. Сдавай билет, садись на такси.

– Ты с ними договорился?

– Еще чего! Без меня договорятся. Ну, что застыл?

– А если?..

– Никаких «если». Сдавай билет, отправляйся домой. Спать небось хочешь.

Григорий все еще мялся. Донской едва ли не силком подтащил его к кассе, потом вывел на стоянку такси.

– Еще увидимся! – пообещал он и захлопнул за Гришей дверцу желтой «Волги» с шашечками.

В тесном дворе громоздились бугры спящих автомобилей. Григорий расплатился с таксистом и медленно пошел к подъезду, поглядывая по сторонам.

Там что-то было не так. Гриша наконец понял – слишком много машин стояло у его подъезда. Одна, вторая, третья... И тут он увидел «Опель» с помятым боком.

Первым желанием было свистнуть таксисту, который разворачивался неподалеку, и умчаться обратно на аэровокзал. Но тут одна из машин мигнула фарами. Раздался щелчок открывающейся двери, в темноте обозначился силуэт человека.

– Вы – Григорий Пшеницын? – прозвучал незнакомый голос.

– Я, а что? – ответил Гриша, пытаясь рассмотреть незнакомца.

Тот не спеша приблизился. Невысокий, жилистый, лет сорока пяти. Быстрые внимательные глаза, способные жечь, как автоген. Короткая и по-военному простая стрижка, тонкая щеточка усов. Движения порывистые, но точные, как у хорошо налаженной машины.

– Моя фамилия – Павлов. Донской сказал, вам нужна помощь. Ваши знакомые уже там. – Коротким движением он указал в сторону подъезда. – Вы первым идите в квартиру, а

я еще посмотрю, как они себя будут вести.

– Где они? В подъезде?

– Нет, конечно. Они у вас дома. Кстати, их трое, а не двое – еще один приехал вон на той машине. – Он кивнул в сторону полуспортивной иномарки, приткнувшейся к палисаднику. – Вы не бойтесь, идите. Я все буду держать под контролем.

Этот человек очень спокойно призывал не бояться, однако верилось с трудом. В доме трое боевиков, и неизвестно, что у них на уме. А тут какой-то неизвестный Павлов, который не достаёт тому же Гансу до подбородка.

– Может, вызвать милицию? – осторожно предложил Гриша. – На всякий случай...

– Милицию? – почему-то удивился Павлов. – Дело ваше, но... Я думал, вам нужна помощь. Вызывайте, но тогда я уеду.

– Нет, – сказал Гриша. – Я не буду никого вызывать.

Он вошел в подъезд. Павлов неслышно скользнул за ним. Дверь квартиры была полуоткрыта, доносились голоса, смех. Григорий собрался с духом и вошел внутрь.

Вся компания расположилась в комнате. Кича развалился на диване, задрав обутые ноги на журнальный столик. Ганс занял кресло. В углу сидел еще какой-то тип – жирный, как боров, с крошечными глазами. Он был одет в зеленый пиджак с блестками, делающий его похожим на конферансье.

Они пили водку и закусывали колбасой из Гришиного хо-

лодильника. На письменном столе стояла сковородка с остатками яичницы.

Все замолчали. Кича встретил Григория тяжелым, жгучим взглядом.

– Явился, мать твою, – процедил он, сплюнув сквозь зубы. – Мы что, по всему городу тебя должны искать?!

Ганс легко поднялся и мигом оказался рядом с Гришей, заставив его инстинктивно сделать пару шагов назад.

– Собирай шмотье, – скомандовал Кича. – Сейчас перевозим тебя в другую квартиру, эта остается нам. Грузила, вынимай свои бумажки, пусть подписывает. И паспорт на стол!

Боров закопошился, извлек из-под себя папку коричневой кожи, вжикнул «молнией».

– Иди сюда, – буркнул он. – Здесь и здесь распишись. Потом заполнишь бланк, напишешь заявление. Работай, короче.

Григорий не сдвинулся с места.

– Ты что, оглох, сука?! – взорвался Кича. – Бери ручку, пиши! Не доводи меня, и так довел!

Ганс схватил Григория за шиворот, с усилием толкнул к борову. Тот брезгливо отодвинулся, увидев, как Гриша упал на четвереньки.

Когда он поднялся, в дверях уже стоял Павлов.

– Быстренько встали, извинились и пошли отсюда вон, – спокойно и даже с ленцой проговорил он. Несмотря на расслабленную позу, казалось, что весь он словно состоит из ту-

го скрученных пружин.

– Это что за чудо? – с неприязнью и удивлением проговорил Кича. Он даже встал и обошел Павлова с двух сторон. – Ты кто?

– Я должен повторить? – спросил тот, не задержав на Киче взгляда.

Ганс уже был напряжен перед броском, но пока его сдерживало любопытство – что собирается сделать этот странный незнакомец, на что он надеется?

– Это что, друг твой? – спросил Кича у Гриши. – Тоже доктор?

Поскольку все молчали, Кича продолжил.

– Слышь ты, баклан. – Он потыкал Павлова пальцем в плечо. – Валил бы отсюда. Радуйся, что не по твою душу базар, и иди себе с миром. Я тебя прощаю на первый раз.

– Я повторяю еще один раз, последний, – проговорил Павлов бесцветным голосом, глядя мимо Кичи. – Встали, извинились, ушли.

– Да выкиньте его к гребаной матери! – визгливо воскликнул боров. – Время идет, ночь ведь на дворе, ну что за дела?

– Ганс, занимайся, – холодно скомандовал Кича и отошел, словно бы потеряв к незнакомцу всякий интерес.

Телохранитель моментально пришел в движение, ринулся вперед, делая такие пасы, словно на ходу засучивал рукава. Не дойдя до Павлова двух шагов, он вдруг произнес нечто вроде «хык!» – и свалился на пол, гулко стукнув головой по

оргалиту.

Кича обернулся, посмотрел сначала с изумлением, потом с яростью. Ганс барахтался на полу, вылупив глаза и хватаясь руками за живот. Он никак не мог продышаться и встать.

Кича вдруг успокоился, сложил руки на груди. Видимо, решил сменить тактику.

– Ты объясни хоть, кто ты такой! – сказал он. – Я тебя не знаю, никто не знает. У нас свои дела, у тебя свои. Чего тебе надо, ты новый разводящий, что ли?

Павлов не отреагировал на дипломатию ни единым словом или жестом.

– Вон отсюда, – безжалостно сказал он.

В этот момент Ганс собрал наконец силы и вцепился неприятелю в ноги. Кича сверкнул глазами и бросился на помощь, схватив со стола тяжелую лампу.

Павлов переступил с ноги на ногу и легко освободился от захвата Ганса. Кичу он поймал вытянутой рукой, провернул и с грохотом обрушил на пол. Люди из соседних квартир наверняка уже повскакивали с постелей.

Павлов тем временем оказался возле борова, испуганно прижимающего к груди свою папку.

– Я не при делах! – взвизгнул Грузила. – Я маклер!

– Ну, извини! – сказал Павлов. Затем рывком поднял его на ноги, протащил через комнату и вышвырнул в коридор. На этот раз шума было не так много – жирное тело шлепнулось на пол мягко.

Следом он отправил туда же Кичу, до хруста вывернув ему руку. Ганс поднялся было, но сразу скорчился от тычка под ребра, после чего Павлов выбросил из квартиры и его. Все сопровождалось визгом, руганью и грохотом.

Гриша стоял у стены, глядя, как его жилище очищают от посторонних. Павлов подошел и, прощаясь, пожал руку.

– Ну вот и все. Я пойду еще поговорю с ребятами, а вы ложитесь спокойно спать.

– Спать? А если они вернутся вдесятером?

– А я им скажу, чтоб не возвращались. Меня они послушают. Вы мне верите?

Гриша хмыкнул.

– Как ни странно, верю, – сказал он.

Павлов вышел. На лестнице вновь раздался грохот, мат, треск рвущейся одежды.

Гриша пошел запирать замок. Из двери напротив торчала взлохмаченная голова Витьки.

– Ты же уехал! А это кто? Чего они? – возбужденно затахтал он.

– Это твой страшный сон, – ответил Гриша и захлопнул дверь.

* * *

– В расчете, – сказал Ганс, пересчитав деньги и сунув их в карман.

Продавцы тихо, как мыши, сидели на заднем сиденье «Опеля», тиская пакеты с товаром, и ждали, пока Ганс объявит сделку состоявшейся.

– Ну, как дела? – спросил он наконец.

– Да нормально, – ответил один – прыщавый девятнадцатилетний парень с оттопыренными ушами. – Все по плану.

– В политехническом у нас два лафетника за раз купили, – добавил второй, кругленький, кучерявый, похожий на херувима.

Оба были студентами и продавали шмаль в основном среди своих. Ганс требовал, чтобы те осваивали новые горизонты – шли в другие вузы, училища, почаще толкались на дискотеках и заводили знакомства. Но ребята были новичками, еще не успели обкататься, набрать опыта и куража, без которых не раскрутишь дела.

– Плохо стараетесь, – мрачно сказал Ганс. – Пора уже своих людей иметь и сдавать им товар оптом. А вы все с папирсками бегаєте. Ищите, предлагайте – дело-то денежное. Если языки плохо подвешены – ведите ко мне, я кого хочешь уболтаю. Люди нужны – чем больше, тем лучше.

– Девчонка одна есть, – подал голос прыщавый. – Она вроде чем-то таким занималась, и знакомые у нее есть. Не знаем, как подойти.

– А чего тут знать? Тащите в кабак, я там уже буду. Накормим, напоим, на «мерсе» домой отправим... Ей понравится – вот и попалась птаха. Захочет денег – будет работать.

– На дискотеках трава плохо уходит, – пожаловался второй. – Ребята все мультиков просят. Да и девчонки...

– На таблетки я мостов не наводил, – покачал головой Ганс. – Фигня это, не сделаешь на них денег. Короче, не гоните пургу, делайте, что я сказал. И по школам ходите. Что, страшно? На перемене зашли в курилку, быстренько показали, договорились, товар сбросили – и все, свободен. Думаете, пионеры брать не будут?

– Слышь, Ганс, – подал голос прыщавый, – тут ходят слухи, что скоро всех нас передавят. Какие-то ребята героин везут, а кто станет ханкой и травкой промышлять, тех ментам сдавать будут. Я порошком торговать не стану, сразу говорю.

– Не бзди, – криво усмехнулся Ганс. – Знаешь, сколько доза герасима стоит? То-то... Травка была и будет, народ без нее не обойдется. И никто тебя не тронет. Пока я не разрешу. – Он тихо рассмеялся.

– Да я и не боюсь... Но если кто на нас наскочит – ты уж разведи.

– И вот еще, – вспомнил Ганс. – Найдите мне парочку торчков, только не совсем опущенных. Чтоб у ребят еще сила какая-то в руках была. Надо разобраться с одним соском, а самому руки марать неохота. Пообещайте им денег, что ли, или ханки.

– Это найдем, есть такие пацаны.

– Ладно, разбегаемся.

Парни без лишних слов испарились. Ганс сделал погромче

музыку и рванул по переулку, спугнув нескольких прохожих.

Пробоины ему пару дней назад бесплатно заделали свои ребята из автомастерской, работающей под присмотром Муштафы. Но настроения это не прибавило. Задумка с квартирой доктора потерпела позорный крах, а значит, покупка новой машины отодвигалась на неопределенный срок. Ганс и сам не понимал, почему бы им не вернуться к доктору и не переломать ему ребра за все обиды. Он плохо помнил, что говорил им тогда на лестнице незнакомец с усиками. Но Кича после выглядел очень испуганным и никаких планов насчет доктора не строил. Похоже, нашлись мощные заступники и у этого никчемного человечка.

Студенты успехами не радовали, как и другие распространители. Деньги притекали мучительно медленно. Ганс уже перетрудил мозги, пытаясь придумать что-нибудь новенькое – несложное, но доходное.

Он остановил машину в небольшом дворике и принялся ждать Кичу. Тот находился в гостях у какой-то из своих подруг. Ганс никогда не видел ее в лицо, но поговаривали, что она следователь городской прокуратуры.

Кича появился ровно в шесть вечера, как и договаривались. Он вышел из подъезда – веселый, цветущий, в машине сразу повис запах спиртного и духов.

– Вот так надо с девочками, – проговорил он, устраиваясь на сиденье.

Ганс не понял, о чем речь, но ему это было и не интересно.

– Гони к Мустафе, – приказал Кича, прикуривая сигарету и с блаженством откидываясь на спинку.

Через двадцать минут Ганс в очередной раз рассматривал девочку с букетом и рок-певца с микрофоном, а Мустафа и Кича бубнили в противоположном углу.

– С Пузыря пенки снимать сам Гнутый будет. Тот ему в карты проиграл, а сколько – точно не помнит, все поддавшие были. Гнутый сказал, пять косых, ребята подписались... Владимирских пацанов так и не нашли. Машина стоит в лесу, двери нараспашку, а ребят нигде нет. Уже приезжали за ними, спрашивали... Насчет Груздя и Маугли вопрос почти утрясли. Их в СИЗО перевели, но у Ксюхи мать одноклассницы в суде. Сказала, могут отдать под залог. Один залог в кассу, а другой, побольше, на лапу...

– Слушай, а что с докторской квартирой получилось? – неожиданно прервал Мустафа. – Мне Грузила какие-то вещи странные говорит...

Кича мельком взглянул на Ганса, немного помялся.

– С доктором промашка вышла. Он привел какого-то... В общем, выкинули нас...

– Не понял... – Мустафа прищурил и без того узкие глаза.

– Ну, в общем... Да непонятно там все. Я подумал, лучше не соваться. За доктором не те люди оказались, что мы думали.

– Какие еще люди? Ты говорил, никого за ним нет.

– Ну, ошибочка получилась. Кто-то есть.

– Кто? Говори, кто?!

– Ну... – Кича задумался и вдруг понял, что ему нечего сказать. Защитник доктора не назвал ни одного авторитетного имени, однако в тот момент, когда все кувырком летели с лестницы, почему-то казалось, что сила против них стоит неимоверная. Об этом говорил и сам факт, что кто-то посмел унизить людей Мустафы.

– Интересно... Выходит, ты даже не знаешь, кто тебя морщил. А сам ты назвался? Сказал, чей ты?

– Да, сказал. Я думал...

– Ты думал?! Ни черта ты не думал! Теперь каждая собака в городе узнает, что моих людей с лестницы спустили.

– Да нет, никто знать не будет... – Кича беспомощно замолчал. Ганс с любопытством наблюдал, как его всесильный, нестигаемый бригадир съёжился под взглядом своего шефа. Впрочем, удовольствие от этого быстро улетучилось.

– Кретины, – процедил Мустафа и до хруста сжал кулак. – Учить вас, что ли, как вопросы решать?

Кича молча развел руками. Мустафа замолк, глядя в одну точку. Чувствовалось, как в голове у него бродят мысли, сталкиваясь и переворачиваясь, будто айсберги.

– Нет, ребята, это дело решать надо, – проговорил он наконец. – Из-за вас, ублюдков недоделанных, надо мной весь город смеяться будет.

– Никто ж не знал, – опять развел руками Кича. – Я все начинал по-умному делать, вон Ганс видел.

– Умник, мать твою... – Мустафа шагал взад-вперед, мысли-айсберги продолжали сталкиваться и расходиться. – И ведь не вовремя все, нельзя сейчас ни с кем ссориться. Ладно, обождем пока, но расхлебывать будете сами. Это дело оставлять нельзя, я не для того свой авторитет в городе ставил, чтоб со мной так шутили.

– Сделаем все как надо, – горячо пообещал Кича.

Мустафа не ответил, он думал. В его душе боролись гордость и благоразумие. С одной стороны, он не мог позволить, чтобы какой-то червяк, жалкий докторишка, ломал авторитет одной из его бригад. Самый важный и решающий вопрос сейчас – кто ему противостоит? Кто посмел так грубо накапать на людей Мустафы из-за простого бесполезного человечка? Или, может, не так уж прост этот доктор?

Мустафа знал, что в городе готовятся крупные перемены из-за передела рынка наркотиков. Его не касалась операция «Снегопад», поскольку он подобного бизнеса избегал. Но в такой ситуации ни в коем случае нельзя было ссориться с другими городскими авторитетами. Нельзя затевать мелкие разборки накануне грандиозных дел, перед лицом которых люди становились маленькими и хрупкими. Попав в шестеренки этой большой и мощной машины, можно в одночасье лишиться всего.

Вопрос с доктором требовал принципиального решения, но не сейчас, немного позже.

Мустафа думал.

Весна пришла ночью, под удары ветра и грохот крыш. Она словно бы штурмом ворвалась в город. Утром бой стих и наступила тишина.

Григорий проснулся, уgomонил шлепком будильник и разлепил глаза. Даже сквозь задернутые шторы было видно, что за окном уже царствует солнце и что пришло оно надолго.

Он оделся, побрызгал лицо холодной водой и, пока на плите грелся чайник, вышел на балкон. Двор был залит светом и пропитан свежей весенней влагой. Было пусто, только черная дворовая собачонка разлеглась на скамейке и, наслаждаясь, ловила солнечные лучи – пока еще слабые, неверные, но уже, без сомнения, весенние.

Пользуясь хорошим настроением и приливом сил, Гриша захотел сделать что-нибудь такое, до чего обычно не доходят руки. Хотя бы подклеить отвалившийся кафель в ванной или привести в порядок книги, завалившие стол и подоконник. Потом – в библиотеку, в родной медицинский отдел. День сегодня выдался свободный, да еще такой солнечный и прекрасный, и его следовало потратить с пользой.

Собачонка, напивавшись солнечной энергией, потянулась и соскочила со скамейки, намереваясь пойти по своим собачьим делам. Но едва она ступила на тротуар, как ее спугнул сигнал въезжающей во двор машины.

Это была очень роскошная машина. Длинная темно-серая иномарка, неброская, но внушительная. Именно таким, по мнению Григория, и должен быть представительский класс.

Машина двигалась медленно, водитель смотрел номера подъездов. К немалому удивлению Григория, именно под его балконом и остановилось это автомобильное чудо, приглушенно сверкающее полировкой и хромированными деталями. Мягко захлопнулась дверь, пискнула сигнализация, и шофер неторопливо, с достоинством, вошел в подъезд.

«К кому бы это? – подумал Гриша. – К Витьке-телемастеру? Или к тете Даше с четвертого этажа, знатной станочнице-стахановке?»

В прихожей коротко пропел звонок. Так и не успев ничего предположить, Гриша открыл дверь.

– Здравствуйте. – На пороге стоял шофер. Он посмотрел в бумажку. – Если не ошибаюсь, Григорий Пшеницын?

– Кто? – От удивления Гриша даже не сразу понял вопрос. – Да, конечно! Это я.

– Андрей Андреевич Донской просил вас заехать к нему сегодня, – вежливо проговорил шофер. – Если, конечно, вы свободны.

На водителе была форменная фуражка-восемиклинка и пиджак с затейливой монограммой на кармане. Приятное ухоженное лицо с легким загаром. Человек словно сошел с рекламного плаката фирмы по VIP-обслуживанию.

– Свободен, – кивнул Гриша.

На плите засвистел чайник. Гость повел глазами в сторону кухни.

– Вы завтракаете? Я подожду вас внизу.

Григорий снова кивнул и закрыл дверь. Некоторое время стоял в прихожей, хлопая глазами.

– Неплохо, – произнес он и пошел одеваться.

Завтракать Гриша не стал, только выпил чашку растворимого кофе. Спустился во двор – роскошная большая машина не растаяла, как мираж. Она стояла у подъезда, противореча окружающему пейзажу, как летающая тарелка на автозаправке.

– Меня зовут Сергей, – сообщил водитель, когда Гриша погрузился в просторное кресло и закрыл дверь.

– Меня – Гриша.

– Я знаю, – слегка улыбнулся Сергей.

– Ну да... – смущенно кивнул Григорий.

– Это «Линкольн»? – спросил он, когда машина выехала на шоссе.

– «Лексус», – ответил Сергей.

Машина плыла, мягко принимая на себя неровности дороги. Двигателя почти не было слышно, его заглушала негромкая музыка из динамиков. Было приятно двигаться по городу, ощущая долгие взгляды прохожих и почтительное отношение других водителей. Вскоре они были уже возле «Золотого родника». Высокие зеленые ворота открылись, проглотив машину, и отгородили от городской суеты тихий

чистенький дворик.

Сергей проводил Гришу в холл, открыл перед ним дверь. Охранник в униформе бросил мимолетный взгляд и отступил в сторону. Григорий вошел и почувствовал себя в мире, где ни разу не был. Пахло роскошью: красным деревом, кожаной обивкой мебели, кофе, цветами, еще чем-то.

Клиника расположилась в старинном добротном здании с высокими потолками, толстыми стенами, широкими лестницами и массивными перилами. Однако старина вовсе не казалась ветхой. Творческая мысль талантливого дизайнера заставила старые стены обрести иной облик, зажить второй жизнью. Дом остался старинным, но перестал быть старомодным.

Они миновали холл, прошли по коридору первого этажа. Здесь не было ничего, похожего на обычную больницу. Паркет, ковровые дорожки, обои, репродукции на стенах, комнатные пальмы... По дороге встретились две хорошенькие девчушки в коротких нежно-сиреневых медицинских халатиках. Они поздоровались с Сергеем и Гришей, окинув последнего любопытными взглядами. Гриша обратил внимание, что обе очень тщательно и со вкусом причесаны и покрашены, словно телеведущие. Невольно скосил глаза на свою одежду, будто боялся не вписаться в интерьер.

– Нам сюда, – сказал Сергей, постучав в дверь.

Донской сидел за столом в небольшом, хорошо обставленном кабинете, тыча пальцами в кнопки телефона.

– О, привет! – Он поднялся, отодвинув телефон в сторону. Приветствие прозвучало довольно вяло: Донской выглядел уставшим и немного рассерженным. – Извини, что сам не приехал, дела замотали. Веришь, всю ночь тут сижу.

– Сам иногда так сижу, – сказал Гриша. – Что-то случилось?

– Да нет, ничего. Разберемся. У тебя время есть сегодня?

– Андрей, я на заправку, ладно? – попросил Сергей.

Донской махнул рукой, затем пригласил Гришу сесть в кресло.

– Я, с твоего позволения, сразу приступлю к главному, – сказал он. – Очень мы интересуемся, Гриша, твоей «подпольной» медицинской специальностью. И направлением исследований тоже. Иммунология – в нашей клинике одно из ведущих направлений, и...

На столе зажурчал телефон, Донской схватил трубку.

– Слушаю! Ну, что?.. Да при чем тут самолет? Пятые сутки пошли, ты понимаешь?.. Да пусть везут хоть через Польшу, хоть через деревню Ключевку, это уже все равно... Ну, так объясни им... Я тем более не буду. Значит, вызывай переводчика, работай, он в гостинице. Все, не занимай линию, я жду звонка из Франкфурта.

Не дадут поговорить, – проворчал он, пересаживаясь в кресло. – Кофе будешь?

– Буду.

– Так, на чем мы остановились? Ты выражал желание вер-

нуться к своей лазерной теме. Я тебе предлагаю сделать это прямо сейчас. Все, чего тебе не хватало, мы предоставим. Техника, материалы, публикации – все будет. И хорошее отношение тоже. Нам это интересно. Кроме того, лазеры можно использовать для лечения воспалений, оздоровления крови. Если сможешь полностью взять направление – это будет прекрасно. Что скажешь?

Гриша ошарашенно молчал. Ему и в голову не могло прийти, что вот так, с ходу, его могут взять на работу в «Золотой родник».

– Чего молчишь? Тебя что-то смущает?

– Нет-нет! – поспешно ответил Гриша. – Просто очень неожиданно...

– Но в принципе ты не против?

– В принципе – не против.

– Вот и хорошо. Сегодня с тобой еще главный хотел поговорить, а потом обсудим все остальное. А вообще, вопрос насчет тебя уже решенный...

– Решенный? – удивился Григорий. – Быстро вы вопросы решаете. Первого встречного...

– Ну, ты не прав! Какой же ты первый встречный? Качества твои мы знаем, ребята тебя проверили – практически все нас устраивает.

– Очень интересно. Когда вы успели меня проверить?

– Успели. Работы читали, и с начальством твоим говорили, и с преподавателями общались. Тебе разве никто ничего

не говорил?

– Никто.

– Надо же... Молодцы, так и надо. Но главное – мы все, что нужно, про тебя узнали. Я думаю, работать у нас ты сможешь не хуже других. Ну, про зарплату я пока не говорю. Уж побольше, чем у тебя в «Скорой».

– Ты действительно думаешь, что я справлюсь?

– А ничего особенного от тебя требовать не будут, особенно первое время. Обычная больничная работа, только добросовестная. Делай, что старший говорит, и все в порядке. И не комплексуй. Ну, что?

– Можно попробовать.

– Конечно, можно! И даже нужно. Хватит тебе пропадать в своей мясорубке.

Дверь приоткрылась, в кабинет заглянула девушка – одна из тех, что встретились в коридоре.

– Андрей Андреевич, он домой собирается, требует документы и билет на самолет, – встревоженно проговорила она.

– Какой еще самолет! – простонал Донской. – С ума тут все посходили. Объясни ему культурно, что он до самолета просто не доедет, сделай укол, и пусть проспится.

– Он не дается! Не слушает ничего, орет, ругается, секретарь даже стесняется такое переводить.

– Ну, я ему сейчас объясню без переводчика... – Он вскочил и двинулся к двери, но остановился, обернулся к Григорию. – Что, Гриша, будем считать, договорились? Сейчас

пойдешь к главврачу, разговаривай вежливо и вообще будь паинькой. Потом зайди, кофе попьем. Оксана, проводи товарища во флигель.

Донской умчался. Гриша встал, чувствуя, как девушка оглядывает его с ног до головы.

– Вы давно здесь работаете? – спросил он, когда они вышли в коридор.

– С первого дня, – ответила Оксана.

– Вы – медсестра?

– Я врач, – с достоинством ответила Оксана и показала пластиковую табличку на груди: «Оксана Быстрова. Врач-кардиолог».

Она была высокой, статной, с сильными черными волосами и чуть румяным лицом. Просто кровь с молоком. Григорий шел чувствуя запах ее духов. Он, хотя и не был знатоком в парфюмерии, догадывался, что это очень хорошие духи.

– Я тоже кардиолог, – сказал он. – Только на «Скорой».

– Я знаю, – загадочно улыбнулась девушка.

«Про меня тут все знают, – подивился Гриша. – Интересно, откуда».

Девушка, похоже, была не очень настроена на разговоры, и Гриша решил больше не донимать ее вопросами. Будет еще время пообщаться.

Они вышли в продолговатый двор. Летом здесь был, видимо, райский уголок – ровные газоны, подстриженный кустарник, раскидистые деревья, дорожки, скамейки. Не двор

даже, а небольшой парк. Но сейчас, когда зелень только готовилась украсить мир, место выглядело несколько покинутым.

В противоположном конце двора стояло одноэтажное здание – такое же старое, как и основной корпус, и так же на совесть отремонтированное. Оксана проводила Григория до металлической двери, нажала кнопку переговорного устройства.

– Посетитель к Ярославу Михайловичу.

Динамик ответил что-то неразборчивое, кажется, просили подождать.

– Он сейчас выйдет, – сказала девушка. – Побудьте пока здесь.

Она ушла. Григорий сел на скамейку, машинально отряхнув ее. Но этого не требовалось, поверхность была чистой.

Он попытался представить себе, как должен выглядеть хозяин «Золотого родника». Высокий, худощавый, седой. Наверняка с бородкой. Ручка с золотым пером в кармане халата. Золотая заколка в галстук, очки. Отстраненный взгляд, рассеянная речь. Врач-ученый, аскет, интеллектual, твердый в работе, беспомощный в быту...

Впрочем, такой типаж явно устарел. Научные светила старой закалки вряд ли способны управлять частной клиникой, это же бизнес, а не наука. Возможно, в дверях сейчас предстанет деловитый ухоженный бодряк с мобильным телефоном в руке и портативным компьютером под мышкой...

Гриша не успел завершить образ, поскольку из открытого окна флигеля донесся странный звук. Словно кто-то кашлял или отхаркивался. Пришла странная мысль – звук очень напоминал поросячье хрюканье. Но откуда здесь взяться свиньям и зачем главврачу сидеть в свинарнике?

Электрический замок звонко щелкнул, дверь отворилась. Человек, появившийся на крыльце, ничем не напоминал образы, которые Гриша только что нарисовал в воображении. Он даже подумал, что вышел не главный врач клиники, а какой-нибудь подмастерье, местный плотник или дворник.

Человек был невысоким и при этом сутулым. Тело широкое, плотное, надежно подпираемое крепкими короткими ногами. Темные волосы, давно не знавшие хорошего парикмахера, налипали на большой бугристый лоб. На мясистом лице теснились широкий нос, дряблые щеки, полуоткрытый рот. Глаза усталые, покрасневшие, с частой сеткой морщин вокруг.

Главврач несколько секунд смотрел на Гришу с недоумением, но потом что-то промелькнуло в его взгляде.

– Новый иммунолог, что ли?

Гриша кивнул.

– Молодой, – покачал головой собеседник.

– Это плохо?

– Кому как... – Он тяжело опустился на скамейку, несколько раз вдохнул утренний воздух. – Погода сегодня хороша! Меня зовут Ярослав Михайлович Шамановский. Ну, тебя-то

я уже знаю...

Гриша почувствовал запах химикатов. На Шамановском была клетчатая рубашка и черный фартук, местами покрытый пятнами. Пальцы тоже были испачканы реактивами. Нет, определенно этот человек не походил на врача. Да и все его заведение пока не слишком напоминало больницу.

– Что читал?

– Многое... – Гриша задумался на секунду, потом начал перечислять авторов, по которым писал работы. Собеседник кивал – все имена ему были знакомы. Он задал еще несколько вопросов, одобрительно хмыкнул, узнав, что Гриша посетил все шесть лекций Штейнера, когда тот проездом был в Москве.

– Ну что, лазеры свои сможешь у меня поставить? – поинтересовался главный таким будничным тоном, словно спрашивал у водопроводчика, нельзя ли заменить прокладку.

– Могу, – пожал плечами Гриша. – Но зачем? Эта разработка для ослабленных детей грудного возраста. А так – смысла нет.

– Ты поставь, а смысл найдем, – бесцеремонно возразил Шамановский. – Меньше уколов и химии – уже смысл.

– Да нет, вы, наверно, не очень хорошо поняли... – попытался объяснить Гриша, однако главный заставил его замолчать одним-единственным взглядом.

– Кто – я не очень понял? – насмешливо переспросил он. – Я понимаю уж как-нибудь побольше твоего. Ладно, иди к

Донскому, договаривайтесь, оформляйтесь, чего там еще... Про лазеры позже поговорим.

Он встал и скрылся за дверью. Григорий сидел еще некоторое время, размышляя. То, что он сейчас увидел, походило просто на безответственность. Внедрять разработку, даже не послушав автора, – это странно, тем более в такой отрасли, как медицина.

Однако трудно поверить, чтобы в знаменитом и таинственном «Золотом роднике» делали что-то не подумав. Сплошные загадки...

Вдобавок из окна снова совершенно явственно раздалось хрюканье. Григорий втянул ноздрями воздух – звук в представлении людей был связан с определенным запахом. Однако свинарником не пахло.

Он вернулся в главный корпус и тут же столкнулся со стоматологом Костей.

– Ого! – воскликнул тот, протягивая руку для пожатия. – Какие люди! Как дела, рассказывай. Быкообразные больше не приходили?

– Пока нет.

– И не придут. Ты ищешь кого-то?

– Напомни, где кабинет Донского.

– Иди по коридору, на двери табличка. Ты, наверно, от главного?

– От него.

– Как пообщались?

– Весело. Я полон впечатлений.

– Погоди, еще и не так весело будет. Я о тебе уже наслышан: молодой специалист, перспективный ученый, надежда мировой иммунологии...

– Похоже, тут уже все обо мне наслышаны. Уже все знают, кто я и чем буду заниматься. Кроме, наверно, меня самого.

– А как же! – рассмеялся Костя. – Ты уже, можно сказать, вписан в репертуар. Тебя на планерке утверждали.

– Утверждали? – в очередной раз удивился Гриша. – А если б я отказался?

– Ты что – дурак, отказываться? – озадаченно спросил Костя.

– Нет, надеюсь, не дурак. Хотя и не очень понимаю, что тут у вас происходит.

– Думаешь, я понимаю? Просто делаю свое дело и не забиваю мозги.

– Кстати, зачем тут свинарник? Я только что слышал, как во флигеле хрюкают свиньи.

– Свиньи? – Костя, казалось, немного растерялся. – Не знаю, я туда вообще-то редко захожу.

Грише стало совершенно ясно, что его вопрос неуместен. Он не знал, как продолжать разговор, но тут в коридоре очень кстати возникла Оксана.

– Андрей Андреевич отъехал ненадолго, – сообщила она. – Он просил показать вам клинику, если хотите. Или подождете в холле?

– Нет-нет, показывайте! Мне все очень интересно.

Она наклоном головы пригласила следовать за собой и пошла, красиво переступая стройными ногами.

– Ксюша! – раздался сзади голос Кости. – Я не ревную, но предупреждаю: у меня удар правой шестьдесят килограмм.

Девушка оставила реплику без внимания.

– На первом этаже у нас административный сектор, – сказала она.

– Я уже понял.

– Каким образом?

– По обоям. Это антисанитарное покрытие, его не клеят в лечебных частях.

– Вот здесь касса, а в холле караульные помещения и кабинет начальника службы безопасности. Вы с ним знакомы, его фамилия Павлов.

Григорий еще раз удивился всеобщей осведомленности. Но на этот раз она ему не польстила.

– За этой дверью конференц-зал. Здесь проходят планерки, консилиумы, а еще мы тут обедаем. Нам привозят готовые обеды на заказ. А внизу есть и своя кухня, можно там перекусить, попить кофе.

– Пациенты тоже питаются привозными обедами?

– Нет, с ними сложнее. У каждого индивидуальное меню, его специально разрабатывает наш пищеблок. Давайте поднимемся на второй этаж, там палаты и процедурные.

На лестнице им повстречалась еще одна девушка, и снова

Гриша удивился тому, как аккуратно и ухоженно она выглядит.

– У вас все девушки такие красивые? – спросил он и тут же прикусил язык: вопрос выглядел как пошлая банальность. Однако Оксана отреагировала спокойно:

– Да. У нас стараются подбирать персонал с учетом внешних данных. Пациенты должны видеть красивых и здоровых людей. Это очень сказывается на их настроении. Вас ведь тоже выбрали... э-э...

– За красивые глазки, – помог Гриша.

– Ну, думаю, не только. Вот, посмотрите, по этому коридору у нас идут палаты. Иногда, если есть необходимость, мы селим в них сопровождающих, охранников. Так что не удивляйтесь, если увидите здесь людей с оружием.

Григорий увидел небольшой уютный холл с огромными кожаными креслами, журнальным столиком и телевизором. В самом углу сидели двое – женщина и подросток. Женщина была видная, яркая, богато одетая. Она держала паренька за обе руки и что-то шептала ему. Мальчик был, напротив, худой, бледный, с бесцветным пухом на голове и провалившимися глазами.

– Ординаторские – в конце коридора, – продолжала экскурсию Оксана. – Вниз по этой лестнице – стоматология и операционная. И массажный кабинет.

– А травматология, реанимация?

– Зачем реанимация? – удивилась Оксана.

– Извините, в самом деле, незачем, – пробормотал Гриша.
«Интересно, – подумал он, – куда они поместили моего пациента с черепно-мозговой? К стоматологу или в массажный кабинет?»

– В другом крыле тоже есть палаты, но мы туда не пойдем, там строгий режим стерильности. Сейчас вы познакомитесь с начальником отделения, с которым будете работать первое время.

Девушка постучала в дверь, обитую бордовым пластиком, и вошла первой. Гриша увидел довольно обычный врачебный кабинет с письменным столом, кушеткой и шкафчиком со стеклянными дверями.

Из-за стола поднялся человек лет шестидесяти с объемным брюшком и пушистой сединой вокруг лысины. Маленькие очки сидели на самом кончике носа, отчего взгляд его казался лукавым.

– Здравствуй, Ксюшенька! – ласково сказал он, целуя девушке руку. – Ты никак новобранца привела.

Он, прищурившись, оглядел Григория, затем протянул руку.

– Профессор Соломонов, Игорь Эдуардович. Вы, видимо, Григорий?

– Так и есть.

– Я просмотрел ваши работы. Кое-что интересно, хотя есть о чем поспорить. Между прочим, моя предпоследняя специализация тоже вплотную касалась иммунитета. Только

у меня была обратная задача. Если вы стремитесь укрепить защитные силы организма, то я, напротив, искал средство подавить иммунную атаку.

– Видимо, вы занимались пересадкой органов?

– Верно, верно... И знаете, я не очень одобряю вашу идею с лазерами. Может, вы и раскопали что-то интересное, однако с излучением шутки плохи. На мой взгляд, эту практику нужно вводить не раньше чем через два десятка лет, когда подопытные пациенты благополучно состарятся.

– Мои пациенты – дети. Они не состарятся так быстро.

– Тем хуже. Впрочем, главный считает иначе, и я не собираюсь с ним спорить. А вот с вами мы еще, надеюсь, поспорим. Посидим как-нибудь в хорошем ресторане, обсудим, обменяемся мнениями...

– Против ресторана не возражаю.

– А сейчас – прошу меня извинить, неотложные дела. Ксюшенька, заходи почаще, я буду покупать тебе итальянские пирожные.

– Что бы вам еще показать? – задумалась девушка, когда они покинули кабинет Соломонова. – Вы не обратили внимание на здание через дорогу? Там целый этаж тоже наш. Это гостиница.

– Вы держите еще и гостиницу?

– Да, приходится. У нас ведь очень разные пациенты, много богатых иностранцев. Они всегда прибывают с сопровождающими, и нам удобнее, если свита живет поблизости.

– Логично. Куда теперь пойдём?

– Извините, Григорий, я должна идти к своим больным.

Вы подождите Донского в холле, я скажу, чтобы вам принесли кофе.

– Жаль. – Гриша улыбнулся и осторожно пожал девушке ладонь. – С вами было очень интересно.

– Ничего, еще увидимся, – ответила Оксана и тоже улыбнулась, став на мгновение просто милой девушкой, а не вышколенной штатной единицей.

Попить кофе Грише так и не удалось. В холле его ждал водитель Сергей. Он встал, надел фуражку и с достоинством произнес:

– Звонил Андрей Андреевич и просил отвезти вас домой. Ему пришлось срочно вылететь в Германию, но завтра он вам обязательно позвонит.

* * *

Только Светлана вышла из ванной, как раздался звонок в дверь. Пашка бросился смотреть, кто пришел, обрушив по пути башню из кубиков, которую последние полчаса с величайшим старанием собирал.

– Дядя Валера! Привет! – закричал он. – А у мамы грипп, она заболела на этой чертовой работе.

– Павлик, перестань! – воскликнула Света.

– На, играй, жучонок. – Гость достал из пакета яркую ко-

робку и протянул мальчику, взъерошив ему волосы.

– Что это? – заволновался Пашка и начал быстро раздирать коробку пополам. – Вертолет! – раздался ликующий крик. – А он с батареей?

– Проходи, – сказала Светлана. – Сейчас будем ужинать, только голову высушу.

– Ужинать – это хорошо. На, возьми, я тут кой-чего пожрать приволок. – Он протянул Светлане пакет.

– Что это?

– Не бойся, не отравлено.

Светлана прошла на кухню и принялась выкладывать на стол икру, фрукты, шоколад, вино, нарезку из осетра и ветчины в вакуумном полиэтилене.

– Это кому? – спросила она на всякий случай.

– Тебе, тебе... – ответил гость, проходя в комнату, где ребенок уже начал опробовать возможности новой игрушки. – Как дела, спиногрыз?

– Хорошо. Я куртку порвал в садике.

– Что ж ты делал? Дрался, да?

– Нет! Просто порвал.

– Дрался, дрался... Куртки просто так не рвут. Небось на нож попал, а?

– Да не дрался я... А Валера – имя или фамилия?

– Имя.

– А Ганс?

– Что? – растерялся гость.

– Ганс – это твоя фамилия?

– Нет, это... Это другое имя.

– Два имени не бывает. А как у тебя фамилия?

– А где ты слышал «Ганс»?

– А ты в прошлый раз по телефону говорил: Чича, это я, Ганс. А Чича – это фамилия? Я знаю мультик про обезьянку Чичу.

– Павлик, не приставай к человеку! – крикнула из прихожей Света, обдувая волосы феном.

– Правильно, не приставай. Рассказывай, чем в садике занимаетесь. Девчонок за сисыки дергаете?

Пашка громко засмеялся.

– Валер, перестань, он же маленький! – возмутилась Света.

– Да ладно, шучу. Чему вас воспитатели учат, рассказывай. Матом ругаться уже научили?

– Ага! – радостно воскликнул мальчик. – На меня сегодня Андрюшка ругался. Он говорил – Пашка-какашка.

– Ничего. Я тебя так ругаться научу, что у твоего Андрюшки уши мхом покроются. Андрюшка – в жопе клюшка...

Пашка снова засмеялся, довольный, что у него теперь есть такой умный, смелый и большой товарищ.

Ганс прошелся по комнате, оглядел цветные фотопортреты, развешанные на стенах. На каждом была женщина с необычной эффектной прической.

– Свет! Это артистки какие-нибудь тут у тебя висят, а?

– Это модели мои висят. Я же мастер-парикмахер. Вот и повесила на память. Маленький, сходи в туалет и ложись в кроватку, – добавила она.

– Да я это... Вроде не хочу пока, – озадаченно ответил Ганс. Больше всего он удивился, что его так быстро и так ласково пригласили в кроватку. Он был здесь всего второй раз и до сих пор даже не прикоснулся к Светлане.

– Я не тебе, а ребенку, – рассмеялась Света.

Ганс смущенно кашлянул и уселся в кресло, чтобы продолжить беседу с пацаном.

– Чего у тебя коленки-то побитые?

– Да падал я... – вздохнул Пашка.

– Чего это ты падал? Пьяный был?

– Валера, ну я же просила, – рассердилась Света.

– Да шучу... Пьешь водку-то, Пашка? Утречком с ребятами деньги по кругу – и дворника гонцом до магазина...

– Нет, не люблю водку, – сказал мальчик, самозабвенно отдирая от вертолета какую-то блестящую штучку.

– А что любишь?

– Мультки люблю.

– О, я тоже «мультки» люблю. Особенно циклодол или паркопан...

– Таких мультиков не бывает.

– Я тоже думал, не бывает... А они есть. Закатишь колесо в жевалку – и на горшке сидеть веселее. Или глюкозавров

ловить.

– А кто это – люкозавры?

– Звери такие – зубастые, мордастые, и все лезут, лезут из всех дырок. Ты мне вот что скажи, Пашка, – невесту себе нашел уже?

– Да, – вздохнул мальчик, – но она еще маленькая.

– Маленькую нельзя. За маленькую посадят. Ты лучше пока с воспиталкой покадрись...

– Валера!

Ганс поднял взгляд. Светлана стояла в дверях, и глаза ее чуть ли не искрились от злости.

– Все, все, молчу...

– Во-первых, молчишь, а во-вторых, уходишь отсюда, и побыстрее.

– Не понял, – оторопел Ганс.

– Выметайся! – крикнула Светлана и запустила в гостя пакет с деликатесами. – И это забирай!

– Да я шутил...

– А я не шучу. Вон! – Девушка открыла дверь и отошла в сторону, освобождая гостю дорогу.

– Ладно. – Ганс встал, сжимая в руках пакет. Он подчеркнуто медленно пошел к выходу, надеясь, что хозяйка в последний момент простит его и скажет – ладно уж, оставайся... Но глаза Светланы продолжали метать молнии.

– Дядя Валера, – Пашка с тревогой посмотрел на уходящего, – а ты вертолет тоже заберешь?

Ганс задержался на пороге, не зная, как ответить. Потом усмехнулся и сказал:

– Ладно, играй...

– Мама, а кто такой люкозавр? – спросил мальчик, когда за Гансом закрылась дверь.

– Никто! – сердито ответила Света. – Наслушался всякой ерунды...

* * *

Вернувшись в машину, Ганс успокоился. «Ничего, – думал он, – перебесится девка, никуда не денется. Орать все могут, но и вкусно кушать тоже хотят. Интересно, на какие шиши она своего паскударика на юг повезет, если так орать будет. Вернется как миленькая, еще и позвонит первая...»

И все-таки Ганс был расстроен. У него сложно складывались отношения с женщинами. В школе девчонки не любили его за грубость, неумение поддержать ни один разговор, а еще – за патологическую жестокость к товарищам и животным.

Потом, когда он вырос и раздался в плечах, девушки на улице стали поглядывать на него с интересом. Но, познакомившись, очень быстро этот интерес теряли.

Конечно, дефицита в женском обществе он не испытывал – в городе полно было желающих бесплатно поесть, попить, потанцевать в клубе, а затем проснуться в чужой кровати. В

обществе давно созрела порода женщин специально для таких, как Ганс, и это сословие отрабатывало свое пойло, кормежку и развлечения очень пунктуально.

Но это доставляло Гансу мало радости. Таких женщин он воспринимал как естественное приложение к своей повседневной жизни, они воплощали будни. Все они курили, убого размалевывали лицо, виртуозно матерились, от них несло водкой и дрянной турецкой парфюмерией. Не женщины, не дамы сердца – боевые подруги, по-своему преданные и очень понятные.

Все это Ганс с легкостью мог терпеть, но ему, как и всякому человеку, хотелось чувства радости, волнения от общения с женщиной. Он должен был покорить, очаровать, осчастливить женщину, чтобы утвердиться в собственных глазах. Да и не только собственных...

Стройных ясноглазых красавиц, хорошо пахнущих и культурно говорящих, мог позволить себе Кича, умевший мастерски болтать языком и изображать загадочную личность. Или Мустафа, перед авторитетом которого все дрожали.

С Гансом же все становилось понятно с самого начала, с первой минуты знакомства. Его ступенька на лестнице жизни была ясна, как дважды два. И жизнь не позволяла подняться выше его планки – ни в деньгах, ни в друзьях, ни в женщинах. Но если другие пацаны легко с этим мирились, то Гансу мучительно было чувствовать свою неполноценность.

Однажды он зашел в парикмахерскую постричься и увидел Свету. Тут же его разобрало какое-то беспокойство: он понял, что будет думать об этой девушке, даже когда уйдет отсюда. Ему трудно было допустить, что его жизнь пройдет мимо хрупкой белокурой незнакомки, похожей на печальную принцессу. Пока она обрабатывала машинкой и ножницами его жесткие волосы, он сидел тихо, почти не дыша, ловил случайные прикосновения и мучительно думал – о чем заговорить с ней, чем заинтересовать?

У нее было колечко на правой руке, и он никак не мог вспомнить, что это значит – замужем она или же разведена. Чутье подсказывало, что она одинока, но, может, это была просто надежда?

Он силился представить, как она сидит рядом с ним в машине или за столиком бара, как улыбается ему, кладет руки на плечи. Фантазии давались с трудом. Эта девушка не вписывалась в его жизнь, ей не место было в кабине замызганного «Опеля» или в сауне, полной пьяной гогочущей братвы. Хотя она и работала в простой дешевой парикмахерской, все равно была выше сортом, чем сам Ганс.

Женщина может быть сильнее мужчины, если находит в себе достаточно твердости, чтобы отказать в его прихотях. И даже если заставить ее силой, это будет проигрышем мужчины, а не победой над личностью. Женщину нельзя заставить уважать или ценить себя. Напротив, это самый прямой путь к презрению и ненависти.

Ганс смутно понимал что-то такое и потому боялся женщин с сильным характером. Он хотел с ними союза, мирного договора, но как его добиться, если речь идет о женщине совершенно другой пробы?

«Сначала куплю машину, – подумал он тогда, млея от прикосновений ее пальцев. – Потом стану одеваться. Буду как Кича – пиджаки, рубашки шелковые, плащ. Можно прическу сделать, волосы чуть отпустить».

Немного позже Ганс все же набрался смелости и познакомился с ней. И когда узнал, что Света – мать-одиночка, словно камень с его души свалился. Все стало просто!

Она тоже оказалась неполноценной, ущербной и несчастной. Ей нужен был сильный, надежный мужик рядом, ей требовались деньги, чтоб воспитывать своего пацана. Оказалось, Ганс легко мог выступить в роли благодетеля даже для такой роскошной девчонки. Замордованная жизнью, она вряд ли будет гордой и придирчивой. В этот миг все его сомнения и комплексы растаяли, как дым.

Впрочем, не совсем растаяли. Он до сих пор даже не попытался поцеловать Светлану. Что-то останавливало. Подсознательно Ганс не хотел, чтобы с ней все было так же, как с кабацкими размалеванными шлюхами.

Все эти чувства были новыми для него, они пугали и настораживали. Он ни за что не поделился бы своими переживаниями с кем-то из приятелей – ребята просто посмеялись бы.

Он несколько раз подвозил Свету домой с работы, дарил пакеты с едой, оплатил Пашке садик на полгода вперед. Даже пообещал свозить на море. Ему нравилось это делать. Правда, в глазах Светланы вместо умиления и благодарного восторга он пока видел лишь настороженность. Но это пока...

«Никуда не денется, – снова подумал Ганс. – Посидит пару дней на одних макаронах – сама позвонит. А не позвонит – так и быть, сам заеду. Успокоится...»

Однако сегодня Ганс был настроен провести время в дамском обществе и не собирался менять планы из-за мелкой неприятности. Он полистал блокнот – и направил машину в сторону одного из женских общежитий.

* * *

Дверь в родительскую квартиру Гриша открыл своим ключом. Разулся, бросил куртку на тумбочку, прошел в комнату. Мать смотрела телевизор, лаская на коленях кошку, отец за письменным столом согнулся над какими-то бумагами.

– Привет, – сказал Гриша, опускаясь в старое-старое кресло с облупившимися подлокотниками.

В этой квартире он прожил с родителями больше десяти лет. Потом, после окончания института, переехал в теткинину, поскольку был серьезно нацелен на самостоятельность в жизни.

С тех пор здесь ничего не изменилось. Два шкафа – с книгами и с посудой, пианино, торшер, швейная машинка, потемневший натюрморт на стене – все это он помнил с детства.

Он был поздним ребенком. Родители познакомились в довольно зрелом возрасте. Отец был военным врачом и лечил в основном бойцов освободительных армий в развивающихся и прочих братских странах. До тридцати лет он безвылазно сидел то в Корее, то в Анголе, то в Афганистане. Кончилось тем, что где-то в джунглях он подцепил местную лихорадку, которая дала осложнение на печень, после чего был списан на гражданку с военной пенсией. После этого отец быстро постарел.

Мать работала учительницей, а последние годы – библио-текарем в той же школе. Зарплата у нее была совсем небольшой, да и отец не очень-то мог разгуляться на свою пенсию. Несмотря даже на то, что, кроме фотографий на фоне афганских гор и вьетнамских деревень, он имел орден Красной Звезды и редкую для медика медаль «За боевые заслуги».

– Как дела? – спросил Гриша.

– Ничего, – ответила мать. – Ужинать будешь?

– Нет, спасибо. Отец все кроссворды сочиняет?

– Между прочим, в газете за один кроссворд двадцать пять рублей платят, – сказал отец, строго посмотрев на Гришу поверх очков.

– Оксана звонит? – спросила мать.

– Да нет... Редко.

– Я же говорил – пропала твоя невеста, – подал голос отец, не отрываясь от занятия.

– Почему пропала? Она учится, у нее свои дела.

– Вот-вот, свои дела...

– Хорошая девушка, – сказала мать. – Как приедет, обязательно приводи в гости.

– М-да... – неопределенно кивнул Гриша. – А я, кажется, работу меняю.

– Что? – Отец даже очки снял. – Как это – меняю?

– Ухожу из «Скорой».

– А куда? – встревоженно спросила мать.

– В клинику. Буду наконец лечащим врачом.

– Зарплата больше?

– Думаю, больше.

– В областную больницу, что ли? – поинтересовался отец.

– Нет. Это частная клиника, ты не знаешь.

– Частная... Вот закроется твоя клиника, останешься безо всего.

– Безо всего не останусь.

– Если частная, то платить должны хорошо, – проговорила мать.

– Наверно. Да и не в этом дело. Мне предложили по специальности работать, по моей теме. Оборудование, материалы – все будет. Практика, одним словом. Я о таком даже и не мечтал. И вообще, там интересно...

Что именно там интересного, Гриша уточнять не стал. Мать испугалась бы, а отец получил бы повод назвать всех жуликами и шарлатанами.

– Молод ты еще для частной клиники, – проворчал отец. – Врачу ниже первой категории там делать нечего. Будешь на подхвате – утки выносить да клизмы ставить.

– В жизни надо и клизмы ставить уметь.

– Пойду чай сделаю, – захлопотала мать.

– Не надо, ма, я уже ухожу. Завтра вставать рано.

– Подожди. Возьми хоть картошки...

– Не надо. Как начну работать – зайду расскажу.

Гриша вышел на улицу и торопливо зашагал к остановке. В принципе родительское благословение было получено.

* * *

– И все-таки кухни больших древних народов на порядок превосходят все последние кулинарные «изобретения», – произнес профессор Соломонов, открывая банку с холодным куриным супом. – Культура питания оттачивается по мере развития любой цивилизации. Все маленькие народцы, выросшие в парниковых условиях, не способны ни удивить, ни обрадовать настоящего гурмана. Народная кухня так же важна и неисчерпаема, как народная музыка и литература. Время великих открытий прошло, человек уже не придумает ничего вкуснее, чем было изобретено до него.

– Я думаю, главные открытия еще впереди, – высказался Гриша.

– Только не в кулинарии. Ибо это искусство, а не наука. Вот скажите, Гриша, существует ли для вас такое понятие, как американская кухня?

– Я не задумывался.

– Зря не задумывались. Еда – наслаждение, данное нам природой, не стоит им пренебрегать. Итак, американская кухня. Что успела создать цивилизация Нового Света со времен Колумба? Все эти куриные крылышки, стейк, сырные торты – их создала реклама. Это то же самое, что кола – коричневая сладковатая водичка, возведенная в ранг национального достояния. Я, конечно, пробовал их салат «Цезарь», неплохое блюдо, но... Или, скажем, пицца...

– Пицца – это итальянское, – проговорил Григорий, не отрываясь от журнала.

– Да, безусловно, пиццу подарила миру Италия. Но заметьте, как быстро она покорила Америку! Дешевая лепешка, в которой намешано непонятно что, без вкуса, без толку, без ума – вот истинно американский стиль. Быстрое универсальное питание – проглотил и побежал дальше. Рецепты, составленные экономистами и диетологами, а не кулинарами. Я, кстати, пробовал настоящую народную пиццу, когда был в Пизе. Уверяю вас, это совсем не то, чем торгуют наши кафетерии. А сами вы какую кухню предпочитаете?

– Домашнюю, – ответил Гриша.

– Позвольте возразить. Не существует никакой домашней кухни. Есть домашняя культура приготовления пищи. А вы знакомы, скажем, с китайской кухней? Нет, я спрошу проще – с корейской? Вы обратили внимание, насколько она проста и в то же время разнообразна? Там все очень непритязательно: морковь, капуста, спаржа, папоротник, бамбук, грибы... Все очень острое, однако, будьте уверены, у вас не заболит желудок. Вот она – древняя гастрономическая культура! Чувствуете разницу?

– Чувствую, – кивнул Гриша.

– И еще, я хочу вас предостеречь. Если попадете в незнакомое заведение с вывеской «Русская кухня», не очень-то верьте. Настоящих знатоков мало, очень мало. Они, эти новые кулинары, все гонятся за оригинальностью, за прибылью. Изгаляются кто на что горазд: мешают телячьи мозги с ткемалевым соусом, фаршируют перец крабовым мясом... Бог знает что! Еда должна быть простой. Ты приготовь этого краба с одной лишь солью да перцем, но так, чтоб на совесть. Укрась парой маслин – больше ничего не надо...

Гриша ежедневно выслушивал кулинарные переживания профессора. Рассказывая о форели с грибами, филе перепелки, стерляди в шампанском, тот обычно поглощал какие-то сосиски, жареную рыбу, солянку, принесенные из дома в стеклянных банках или жирных пластиковых коробках. Иногда он ел это холодным, иногда разогревал на лабораторной плитке, заставляя воздух в кабинете пропитываться

тяжелыми кухонными запахами. С рассуждениями об изысканных блюдах это не очень гармонировало.

– Присоединяйтесь, – пригласил Соломонов, когда лапша в его очередной банке согрелась.

– Спасибо, я пообедаю вместе со всеми, – вежливо отказался Гриша.

– Пойдете есть готовые обеды из очередной американской забегаловки, – с горечью проговорил профессор. – Опять эти гамбургеры, картошка во фритюре, консервированные салаты... А говорили, любите домашнюю кухню. Вот же домашнее. – Он указал на свое варево.

– Спасибо, Игорь Эдуардович, – еще раз отказался Гриша.

– Ничего, как-нибудь я свожу вас в приличное местечко. Вы ощутите вкус настоящей еды. Клянусь, что обогащу вашу жизнь еще одним удовольствием. В городе есть несколько приличных поваров...

Гриша знал, что почти каждый вечер Соломонов проводил в каком-нибудь ресторане и на это тратил немалую часть своих денег. Обычно он брал себе в пару какую-нибудь приятную зрелую даму с богатым внутренним миром. Иногда приглашал даже нескольких компаньонов – таких же, как он сам, – немолодых, почтенных, рассудительных.

Гриша работал в «Золотом роднике» уже больше месяца. Его день начинался со стерилизации – душевой кабинки, где даже вода была с примесью антисептических шампуней. После этого Гриша переодевался в одноразовый комплект и на-

чинал обход своих пациентов.

Пока их у него было всего шестеро, и все они считались «легкими», поскольку курс их лечения истекал в ближайшие недели или месяцы. Все – мужчины тридцати-сорока лет, причем четверо – иностранцы, общаться с которыми иногда приходилось через переводчиков. Один – угрюмый и молчаливый японец, трое других – арабы.

В определенном смысле все шестеро были почти здоровы, хотя и сильно ослаблены. Однако это было не то здоровье, которое может иметь, например, закаленный сильный человек. Это было девственное здоровье. Словно всю жизнь эти люди провели под непроницаемым колпаком, куда лишь изредка попадала случайная инфекция или задувал сквозняк.

Гриша листал их медицинские карты – они были почти пусты. Редкие диагнозы плохо стыковались с возрастом пациентов. У двоих, например, регистрировалась гемолитическая болезнь, которая куда чаще встречается у младенцев, чем у сорокалетних мужиков. У японца всего лишь четыре месяца назад были ликвидированы какие-то проблемы печени, связанные с ее недоразвитостью. Гриша видел результаты исследований и был убежден, что с такой печенью человек не мог дожить до зрелого возраста, даже если находится на спецпитании. Единственное объяснение – не очень удачная трансплантация детского органа, но где тогда следы операции?

При этом у пятерых в карточках значились удаленные зу-

бы на фоне идеального состояния оставшихся, а у одного араба без всяких показаний была ампутирована нога. Этого человека почему-то тщательно стерегли, один охранник обязательно был даже на осмотрах.

Еще интереснее получилось с японцем. Однажды, придя утром на осмотр, Гриша обнаружил, что весь его торс покрыт бинтами и пластырем. Позже выяснилось, что под бинтами образовалась огромная цветная татуировка. Японец после этого стал уже не таким угрюмым.

Гриша, конечно, пытался искать объяснения этим и многим другим странностям, но всякий раз его бесцеремонно осаживали. На любой праздный вопрос ему давали однозначный ответ: занимайся своими делами и не лезь в чужие.

Он занимался своими делами. Обходил пациентов, опрашивал, снимал показания приборов, вносил пометки в журнал. Никаких лечебных процедур без прямого указания Соломонова не предпринимал. Даже в мелочах ему не позволяли проявлять инициативу.

Профессор лично просматривал записи и определял схему действий. Григорию после этого приходилось в основном делать уколы, брать анализы крови, ставить газоотводные трубки – в общем, делать самую черную работу, с которой обычно справляется младший персонал.

Лекарствами людей пичкали прямо-таки немилосердно, причем не только безобидными, типа глюконата кальция, но и сильнодействующими. Можно было только удивляться, по-

чему это не приводит к фармотоксикозу. А ведь бедным пациентам приходилось еще и поглощать активные пищевые добавки, которые смешивались и компоновались в пищеблоке, на нулевом этаже.

– Зря вы отказались от обеда, Гриша, – изрек профессор, убирая баночку в пакет, а пакет – в итальянский кожаный портфель. – Суп был великолепным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.